

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 5 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und 1 mk. (6 fr.)
sonstigen Ländern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 7-8 (387-8)

17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр.,
на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.;
для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр.,
на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca,
(Square Albin Cachot, bâtim. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Присл. по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

27 Апреля 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

К 1-му мая.

Р. Абрамович. Полицейская социология.

Ф. Дан. Перед плебисцитом.

А. Югов. План 1937 года.

С. Шварц. Проблема решается в низах.

В. Александрова. Идеологические метаморфозы.

П. Гарви. «Они не пройдут!»

Заграницей: Во французской соц. партии. — «Национальный социализм» в Бельгии. — Форшланд герм. с.-д-тии о визите Лэнсбери к Гитлеру.

По России: Москва. — Необходимо перестроиться. — Политика — вошла в наш быт. — Рядовой гражданин заговорил. — Потоки жалоб. — Доносы и склока. — Следственная комиссия по делу Ягоды. — Вокруг принудительных работ. — Аресты сотрудников Ягоды. — Перебои в хозяйстве. — Профсоюзы и тайные выборы.

Из партии: Арест и голодовка С. О. Ежова и К. И. Захаровой. — Памяти П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова.

А. Цилига. Письмо в редакцию.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

К 1-му МАЯ

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН.

Товарищи!

Более, чем когда либо, стоит нынешнее Первое Мая под знаком борьбы и самоотвержения. К героической борьбе рабочих и республиканцев Испании обращены наши мысли, наши надежды, она заставляет усиленно биться наши сердца.

Когда народ борется за свое экономическое и политическое освобождение, его дело становится делом всех народов; его победами и поражениями решаются судьбы и всех других. Эта истина, которую не переставал напоминать вам Рабочий Социалистический Интернационал, никогда еще не навязывалась сознанию с большей очевидностью: грубое вмешательство объединенных фашистов, превратившееся в открытое нападение и превращающее мятеж испанских генералов в международную войну, демонстрирует с непрекаемой ясностью международный характер борьбы между демократией и фашизмом.

Кто сможет еще полагаться на политическую изолированность своей страны и считать себя в безопасности, когда горит дом соседа? Развитие капиталистического общества прорвало национальные рамки, и то, что мы переживаем, свидетельствует о

международной связанности наших судеб.

Узким понятиям реакционного национализма рабочий класс, с самого появления своего на исторической сцене, всегда противопоставлял творческую идею интернационального сотрудничества народов в согласии и мире. Новейшее развитие побудило его точнее формулировать политическую сторону этой великой идеи:

Национализму, накликающему войны, рабочий класс противопоставляет организацию мира при посредстве сильной и активной Лиги Наций, освобожденной от тех пут, которые сейчас мешают воплощению в жизнь международного права.

Национальной изоляции, выдающей более слабых на волю нападающих, он противопоставляет коллективную безопасность, ограждающую всех соединенными силами всех.

Фашизму, государственному врагу № 1 всего человечества, он противопоставляет совокупные силы свободы, объединенные и целесообразно направляемые рабочим классом.

Этими принципами Рабочий Социалистический Интернационал руководился с самого начала кровавой борьбы в Испании. Их он призывает вас положить в основу той кампании, которую приходится вести в современных условиях.

Перед лицом нападения итальянского и германского фашизма на Испанию мы должны всеми доступными нам средствами стараться заставить правительства

**соблюдать нормы международного права;
обеспечить неделимый мир;
выполнять обязательства, вытекающие из коллектив-
ной безопасности,**

т. е. проводить в жизнь принципы международных отношений, которые ни один народ не может забывать, не ставя под угрозу свои собственные интересы, которые ни одна держава не посмела бы нарушить, если бы стояла лицом к лицу со всеобщей решимостью эти принципы защищать.

Мы убеждены: если бы мировая демократия воспрянула, она могла бы еще принудить поджигателей к отступлению, не вынимая меча из ножен. Мир еще может быть спасен.

Перед лицом жалких маневров и вечных виляний дипломатии мы повторяем:

Законное правительство Испании, подвергнувшееся нападению внутренней измены и внешнего фашизма, имеет право защищаться и свободно приобретать все, нужное ему для защиты.

Никакой контроль не может служить предлогом для оправдания наглого нарушения международного права фашистскими державами. Нельзя хитрить с всесветным миром: нападающих надо заставить отступить, чтобы предотвратить удушение свободы народов фашизмом.

Рабочие Испании!

вы, жертвующие своей жизнью за свою и нашу независимость, вы, благодаря которым Мадрид стал сверкающим символом свободы, — примите дань нашего восхищенного удивления и нашей благодарной солидарности. Эти чувства наши будут неизменно сопровождать вас во всех тяжелых испытаниях, вплоть до победы, которой вы добьетесь своей стойкостью!

Товарищи международных бригад!

вы, своей героической борьбой рука об руку с испанскими борцами претворяющие в дело завет международно-социалистической солидарности, — примите нашу благодарность и будьте уверены, что международ-

ный рабочий класс, авангардом которого вы стали, окажется достойным вашего примера!

Рабочие фашистских стран!

вы, которые — мы знаем это! — с замиранием сердца следите за событиями в Испании, колеблясь между надеждами и опасениями; и вы, которых бесстыдные диктаторы послали туда, чтобы умирать за интересы ваших палачей, — не забудьте: в Испании крепче завязываются узы, соединяющие ваши судьбы, судьбы пленников фашизма, с судьбами всего рабочего класса. Уже в битве при Гвадалахаре итальянские борцы за свободу одержали блестящую победу над итальянскими наемниками фашизма, Италия Гарибальди и Маттеоти напала Италией Муссолини. Не забудьте: под Мадридом могут быть разбиты Гитлер и Муссолини.

Рабочие всех стран!

Помните непрестанно, что в Испании решаются судьбы вашей собственной свободы. От исхода борьбы зависит ослабление или триумфальный подъем мировой демократии. В этой борьбе мечется, быть может, жребий о жизни целого поколения, о вашей собственной жизни, о ваших будущих жертвах в новой войне, подготавливаемой фашизмом!

Удвойте ваши усилия по оказанию поддержки нашим испанским товарищам и вашу бдительность по отношению к общим врагам! Оказывайте борцам за свободу всю ту политическую, моральную и материальную помощь, на которую вы способны! Подготавливайте всюду и всеми средствами поражение фашизма!

Помните об уроках истории, будьте чутки к требованиям момента! Теперь более, чем когда либо, надо помнить: лишь международная, интернациональная борьба обеспечит победу социализма!

Да здравствует свободная Испания!

Да здравствует международный социализм!

**БЮРО РАБОЧЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА.**

Р. АБРАМОВИЧ.

Полицейская социология

(Доклад Сталина на пленуме ЦК).

Заслуженные деятели «подхалимажа» в заграничной коммунистической печати поспешили, как и следовало ожидать, объявить доклад Сталина на пленуме ЦК 3-го марта 1937 г. «историческим событием» и «образцом блестящего применения принципов марксизма-ленинизма». Доклад тов. Сталина, пишет центральный орган английской компартии, «нужно читать, изучать и сделать достоянием рабочих масс».

На самом же деле в большевистской печати давно уже не появлялось столь бездарного, плоского и бессодержательного произведения, как этот «исторический доклад», который «народы всего мира должны читать и изучать». Поистине: какое интеллектуальное падение для партии, которая в период своего блеска как-никак была представлена Лениным и Троцким, Бухариным и Зиновьевым, Луначарским и Радеком, Рязановым и Покровским, и которая теперь обречена на то, чтобы восторгаться произведениями Сталина, Вышинского и ...Д. Заславского!

Верный «заветам марксизма-ленинизма», Сталин пытается «вставить русскую революцию в международ-

ные рамки», «дать анализ классовых сил», «выявить взаимоотношения между рабочим классом и его авангардом — партией пролетариата» и т. д., и т. п., словом, все по наилучшим марксистским рецептам. Но боже мой, до чего убог этот «международный подход», до чего плоский и безграмотен «классовый анализ», до чего примитивно представление о связи между «рабочим классом и его авангардом».

Основная беда партии, — говорит Сталин, — заключается в том, что «наши партийные товарищи» забыли о капиталистическом окружении. «Они забыли о том, что советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств... «Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом».

После этого многообещающего и подлинно-марксистского вступления наивный читатель может подумать, что вот теперь Сталин на основании опыта стольких

лет проанализирует проблему построения «социализма в одной стране», что он вскроет ту глубокую подпочвенную связь, которая в экономической, политической, социальной, культурной и психологической областях существует (и в какой мере, по его мнению, еще существует?) между организмом мирового капитализма и той новой социальной тканью, которая создается в Советском Союзе; что он покажет те каналы, по которым совершается взаимодействие (и какое именно?) между «владениями капиталистических государств» и «социалистическим строем», который строится или даже «уже построен» на территории СССР. Казалось бы, именно в тепершний момент, когда капиталистический мир, еле только оправившийся от небывалого экономического и социально-психологического кризиса, только что переживший победу фашизма в стране самого развитого капитализма и самого сильного рабочего движения на континенте Европы, весь находится во власти самых противоречивых тенденций и в состоянии бурной подготовки к новой мировой войне; когда эта опасность войны порождает во всем мире новую перегруппировку государственных, политических и идеологических сил и создает именно теперь совершенно новую основу для взаимоотношений между различными секторами капиталистического мира и Советским Союзом; когда, с другой стороны, и глубокие социальные сдвиги в самом Советском Союзе, — наличие которых не отрицает ведь и официальный большевизм, — и та же опасность мировой войны создают и для Советского Союза настоятельную необходимость включиться, как органическая составная часть, в общую систему и мировой политики и мирового хозяйства, а в конце концов и мировой идеологии; в этот момент мир, в особенности пролетарский, вправе был бы ждать от признанного вождя Советского Союза, от главного и единственного теоретика мирового коммунизма, от наследователя и продолжателя марксизма-ленинизма действительно веского и содержательного слова по этому фундаментальному вопросу. Сотни тысяч людей во всем мире с волнением и интересом разворачивали в этот день газетные листы. И что же нашли они в его докладе под громкой рубрикой: «Капиталистическое окружение и Советский Союз»? Ровным счетом ничего, кроме гениального открытия, что капиталистические державы подсылают в СССР шпионов, агентов и диверсантов! Причем глава мирового коммунизма тут же вынужден признать, что эти державы и теперь, и в течение всей своей истории не только к «единственному социалистическому государству в мире», но и одна к другой не переставали подсылать шпионов, диверсантов и даже террористов для организации покушений. И вся «принципиальная» разница во взаимоотношениях между капиталистическим миром и СССР с одной стороны и во взаимных отношениях между различными капиталистическими странами с другой, сводится, по Сталину, к тому, что в «страну социализма» капиталистический мир посылает «в два-три раза больше» шпионов и агентов. Количество шпионов переходит в качество взаимоотношений социальных систем. Вот новый диалектический закон, открытый Сталиным.

На том же теоретическом уровне находится и анализ внутреннего социального состояния СССР, данный Сталиным.

В России, на основе созданной большевистской стадией революции социологии, в обществе, характеризующемся отсутствием обычных капиталистических классов, началась явно для всех какая-то новая социальная дифференциация, возникает какая-то новая нигде еще

не бывавшая иерархия общественных слоев и групп. Наверху — слой привилегированных пользователей революции, имеющих в своем распоряжении все материальные ресурсы страны, выросших в сознании своего неизмеримого превосходства над всем прочим населением; воспитанных на «планетарных экспериментах», на пренебрежении к жертвам, которые возлагаются ими на покорные массы, на презрении к человеческой личности; все более проникающихся рабовладельческой психологией, ни перед чем не останавливающихся в погоне за удобной, красивой и веселой жизнью для себя. На другом полюсе — огромные массы рабочих, значительное большинство которых недавно лишь перешло от сохи к станку, ведущих полу-голодное существование, бесправных, без навыков самоуправления и организации, и в то же время внутри уже сильно дифференцированных в социальном отношении (ударничество, стахановщина). Между этими двумя классами, или в стороне от них, гигантское море крестьян, отношение которых к диктатуре и создавшемуся в России общественному строю до сих пор необычайно сложно и противоречиво, и которые не только сами продолжают «смотреть в лес» мелкобуржуазного уклада, но и упорно и неуклонно тащат туда и самые колхозы. Круг замыкается четвертым социальным слоем советского общества — интеллигенцией. Она сейчас в одной части своей материально и психологически сильно приблизилась к первой группе — привилегированной государственной и партийной бюрократии; но ее основная масса по уровню жизни ближе к рабочим, и в ней — по крайней мере в некоторых ее частях — еще сильна связь с теми слоями, из которых она вышла — крестьянством и рабочим классом. Все те социальные противоречия и конфликты, которые имеются между основными классами советского общества и правящей бюрократией, идеологически и политически находят свое отражение в среде вышедшей из низов советской интеллигенции. И весь этот сложный социальный агрегат продельывает за последние годы какие-то процессы глубокой психологической и идейной трансформации, перерождения, эволюции.

Как же подходит Сталин в своем докладе ко всему этому сложному социальному комплексу, какие тенденции развития вскрывает он в недрах нового советского общества?

Для Сталина все эти проблемы и явления попросту не существуют. Единственное, на что он считает нужным указать — это «происки классового врага», понимая под этим врагом — «остатки разбитых эксплуататорских классов». Единственная «социальная проблема», которую Сталин видит и которая его заботит, это та, что «чем больше мы будем продвигаться вперед, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов... тем больше будут они пакостить советскому государству»... Так вот где таилась гибель моя! Внуки двадцать лет тому назад экономически, политически и в значительной степени физически уничтоженных дворян, помещиков и крупных капиталистов; дети попов, мелких чиновников и бежавших за границу офицеров, — вот, по мнению Сталина, единственный враг, который угрожает благополучию Советского Союза и является серьезным препятствием для победоносного построения социализма в России. Какая жалкая и смешная попытка увернуться от действительных проблем!

«Господствующие классы» и при царском режиме представляли собою в России совершенно ничтожный процент населения. Их сила была не в их численности, а в тех социальных и политических позициях, которые они занимали в до-революционном помещичье-буржуазном обществе. Но ведь февральская революция унич-

тожила их политическую мощь; а октябрьская и последовавшая за ней гражданская война полностью уничтожили их социально-экономические позиции и выкорчевали с корнем самые источники возможной власти и возможного общественного влияния остатков разгромленных классов. Ведь дети всех этих помещиков, буржуев, чиновников, офицеров, все те, которые к моменту революции и гражданской войны были еще малыми детьми, — ведь все они выросли уже в условиях большевизма, в обстановке совершенно нового общественного и политического уклада. Ведь те, которые материально и психологически могли воспитаться еще на старом режиме, теперь уже по меньшей мере люди средних лет, если не старики. Какое же значение могут иметь все эти крохотные островки, — даже если они сохранились в неизменном виде, что совершенно невероятно и просто невозможно! — по сравнению с теми десятками миллионов, которые, по словам самого же Сталина, пылают любовью к новому режиму, преданы ему беззаветно и самоотверженно, и которые всем своим благополучием и возвышением обязаны большевистской революции? Разве не сам Сталин и прямо и коварно подтвердил положение о возможности пренебречь остатками господствующих классов, когда провел свою новую конституцию, когда полностью уравнял во всех гражданских и политических правах тех самых потомков бывших господствующих классов, которых он сейчас так панически боится? Ведь когда большевистская диктатура в свое время ввела исключительный режим в отношении к лицам чуждого социального происхождения, когда она потомков дворян, офицеров, торговцев, священников лишала не только политических прав, но и права на образование, на квартиру, на право проживания в городах, даже на хлебный паек, то ведь все это оправдывалось именно соображением о политической и психологической опасности этого слоя. *Отмена всех этих ограничений установление «демократического» равенства всех перед законом, и даже тайного голосования явным образом свидетельствовали о том, что этой опасности больше не существует, что «чуждый социальный слой», с одной стороны почти целиком растворился и ассимилировался в советском обществе, с другой стороны, перестал играть сколько-нибудь серьезную роль, по сравнению с гигантским большинством населения. Что же, значит Сталин ошибся, когда октроировал новую демократическую конституцию? Значит, он напрасно поторопился с отменой ограничений? И, значит, его панику по поводу якобы автоматического усиления политической активности «остатков побежденных классов» по мере построения социализма надо понимать как попытку аннулировать возведенные им великие реформы?! Нет, Сталин категорически заявляет о своей решимости продолжать начатое им дело демократизации режима, он возвещает свою неуклонную готовность идти дальше по тому же пути.

Где же тут логика?

Как бы предвидя это возражение, Сталин пытается популярно объяснить, каким образом ничтожное меньшинство, мелкая группка могут оказаться опасными даже тогда, когда идут против подавляющего большинства населения. Мост, — разъясняет он своим слушателям, — строят тысячи, а взорвать его могут несколько человек. Да, в чисто механических и технических сооружениях такие вещи, конечно, возможны. Поджечь гигантский завод может теоретически и один единственный человек. Правда, даже во время мировой войны мы что-то не слыхали, чтобы вражеским шпионам и диверсантам удавалось в Берлине, Лондоне или Париже взрывать мосты и заводы! — (Но ведь в данном случае речь

идет не о мостах, а о социальном строе, об общественном организме, о многомиллионных общественных образованиях. Если железный мост действительно можно взорвать усилиями единичных личностей, то каким образом маленькие группки, лишенные всякой опоры в массах, могут оказаться опасными для строя, созданного большевистской революцией? Если же строю никакая опасность не грозит, то откуда паника, «процессы», и вся возня вокруг демократизации партии?

На все эти вопросы вотще искать ответа в историческом докладе главы большевистской партии: его социология не идет дальше чисто-полицейского расследования о «кучках злоумышленников» и проходит мимо более глубоких вопросов. Полицейская социология! Да и то из рук вон плохо «увязанная», ибо ни на одном из процессов последнего времени мы ни разу не видали ни на ролях «зачинщиков» и «вождей», ни даже в качестве простых деятелей представителей «разбитых классов»: наоборот, на всех процессах троцкистов в качестве обвиняемых фигурировали старые большевистские рабочие, революционные интеллигенты, революционные крестьяне, т. е. не последыши старых, разгромленных революцией господствующих классов, а «остатки» именно тех новых революционных социальных сил, которые в октябрьской революции и в гражданской войне эти старые классы разгромили.

На том же полицейском уровне стоят откровения Сталина и в вопросе о взаимоотношении между рабочим классом и компартией. Он тщательно обошел, не затронув их даже хотя бы мимоходом, все вопросы, связанные с социальной дифференциацией внутри партии, с выросшим в ней средоточением между массой рядовых членов и «аппаратом», с прогрессирующим отмиранием в ней всех элементов самостоятельности, идейной жизни, духовной или моральной свободы и самостоятельности, с ужасающим развитием в ней прислужничества, карьеризма, подхалимства и т. п. навыков и качеств, как будто чрезвычайно мало пригодных для партии, собирающейся строить в стране режим интегрального коммунизма!

Все это великого вождя партии не очень беспокоит: единственное, что его действительно занимает, это недостаточная бдительность членов партии и ее органов, отсутствие достаточной воли к тому, чтобы «обезвредить и ликвидировать диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов»...

«Чего же у нас не хватает? — восклицает Сталин. — Не хватает только одного (к. н.); готовности ликвидировать свою собственную беспечность... В этом загвоздка».

Все это скорее похоже на деловое сообщение в комитете контр-разведки, чем на «исторический доклад» на пленуме Центрального Комитета многомиллионной пролетарской партии.

Для этого более чем странного характера всего доклада Сталина могут быть два объяснения: одно, наиболее легкое, сводящееся к низкой оценке интеллектуального уровня самого Сталина. Но при всем критическом отношении к гениальности «великого вождя народов» мы решительно должны отвергнуть это объяснение. Человек, который столько лет стоит у кормила правления гигантской страны, человек, который обладает столь фантастическими возможностями осведомления и ин-

формации, не может не знать о существовании всех названных нами проблем, не может не понимать всей сложности и глубины создавшегося в России положения. Если он обо всем этом умалчивает и замыкается в плоские рамки чисто-полицейского подхода, то это не от глупости, а от трусости: Сталин отлично понимает в чем дело, но не решается говорить по существу.

Ф. ДАН.

Перед плебисцитом

Поистине поразительные вещи повела за последние месяцы сталинская диктатура и подвластным ей гражданам, и всему миру о состоянии ее собственного государственного и хозяйственного аппарата! Если ей верить, то приходится признать, что весь этот аппарат, до самой верхушки, густо засорен не то что людьми неспособными и непригодными, а прямыми «врагами народа», вредителями и шпионами. На пресловутых процессах диктатура провела перед взором изумленных друзей и злорадствующих врагов Советского Союза своих замнаркомов тяжелой промышленности, будто бы саботирующих индустрию, особенно — работающую на оборону, замнаркомов пути, обвиняемых в умышленном устройстве сотен и тысяч железнодорожных крушений, замнаркомов иностранных дел, обличаемых в сговоре с агентами враждебных держав о разделе страны!

Но через скамью подсудимых прошли пока лишь единицы. Между тем аресты в пределах аппаратной верхушки насчитываются уже сотнями, если не тысячами, и захватывают буквально все отрасли государственного и хозяйственного управления, вплоть до армии. И везде, везде оказываются все те же саботажники, вредители, изменники и шпионы! И если так прогнила верхушка аппарата, то что же делается в его низах? Сколькими десятками (или сотнями?) тысяч исчисляются там взяточники, держиморды, саботажники, предатели и «враги народа»?

Дело диктатуры казалось бы при таких условиях безнадежным, если бы на страже ее не стояла «революционная бдительность» испытанного «недремлющего ока» революции и ее «разящего меча» — все той же Чека, перекрасившейся сначала в ГПУ, потом в Комиссариат Государственной Безопасности, но всегда умевшей во время останавливать преступную руку «врагов народа», раньше чем они успевали довести страну до хозяйственной катастрофы и предать ее на поток и разграбление «акулам отечественного и иностранного капитализма».

Арест Ягоды разрушил и эту иллюзию: око оказалось кривым, меч зазубренным и ржавым. Ягода, свыше 15 лет бывший верховным «стражем революции» и возглавлявший «борьбу с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности»; Ягода, неоднократно обласканный, награжденный, возведенный самим Сталиным, воспетый советскими поэтами, прославленный Максимом Горьким; Ягода, бывший бесконтрольным распорядителем жизнью, свободой, имуществом граждан шестой части земного шара и неограниченным владыкой миллионов тюремных сидельцев, ссыльных и обитателей концлагерей; Ягода, любвеобильно воспитывавший поднятых им со дна беспризорных детей и чадавший их «путевками в жизнь», «перековывавший» закоренелых преступников в «честных советских граждан» и их руками строивший грандиозные Беломорский и Волго-Московский каналы; — этот Ягода, этот «луч-

ший из лучших» и «вернейший из верных», сам оказывается чистейшим жуликом и бандитом: постановление Президиума ЦИК'а СССР от 3 апреля, отрешающее его от должности Наркомсвязи, на которую он был недавно переведен, и предающее его суду, вменяет ему в вину даже не контр-революцию, даже не какие-либо деяния политического характера, могущие иметь идейные мотивы, а кратко и просто — «должностные преступления уголовного характера»!

И оттого у него вместо марксизма получается полиция и вместо политики — Нарком Внубез!

Мы не знаем, насколько верны сообщения московских корреспондентов иностранных газет, говорящие о чудовищных актах вымогательства, взяточничества, спекуляции и т. п., вменяемых будто бы в вину Ягоде. Постановление ЦИК'а ничего об этом не говорит, и советская печать хранит молчание. Но и той общей формулы, которая употреблена в постановлении, достаточно, чтобы понять, какой ужасающий свет бросает сама сталинская диктатура на свой «порядок управления».

Если в течение свыше 15 лет стражем революции и ее разящим мечом был уголовный бандит, то как же «охранялась» революция, во имя каких интересов топталась свобода и жизнь миллионов и лилась ручьями кровь? Одно из двух: если все, что делало за эти полтора десятка лет ГПУ, возглавляемое Ягодой, считается сделанным действительно во имя интересов революции, то это значит, что сталинское понимание этих интересов ничем не отличается от понимания уголовного бандита; если же деяния Ягоды — роковое и, увы, непоправимое преступление бандита, то где же та «революционная бдительность» сталинской диктатуры, которой она так охотно поучает и за отсутствие которой так жестоко карает других? Если гениальный, всезнающий, все видящий и предвидящий Сталин 15 лет подряд не замечал, что под носом у него, под его непосредственным руководством, на самом ответственном и «боевом» посту его аппарата орудуя уголовный бандит, то не значит ли это, что он сам в сильнейшей степени страдает той «идиотской болезнью беспечности», в которой так сурово обличает своих подчиненных?

Но ведь не только советский аппарат оказывается насквозь разложившимся и прогнившим. В не менее катастрофическом положении находится и аппарат партийный. Из процессов и в связи с процессами мы узнали, что создатели большевистской партии, ее идеологи, публицисты и практики, возглавители октябрьской революции и строители советского и международного коммунизма оказались чуть не все сплошь изменниками, агентами фашизма, тайными слугами капитализма и исконными «врагами народа». Теперь, по случаю «демократических» перевыборов должностных лиц партии, мы узнаем, что и весь партийный аппарат, тот самый, который Сталин — тоже свыше 15 лет! — возглавляет в качестве генерального секретаря, который он сам подбирает и диктаторски направляет и с помощью которого он и разгромил всех своих врагов и

супостатов, всю «изменническую» старую гвардию большевизма, — что и этот партийный аппарат сверху до низу переполнен назначенцами, разложившимися бюрократами, рвачами, зажимщиками «самокритики», очковитирателями, беспринципными карьеристами, подхалимами и держимордами! И опять-таки одно из двух: или сам Сталин и является главным виновником насаждения в большевистской партии этих, поистине «социал-предательских» нравов, или же на посту генерального секретаря партии он обнаружил еще большую одержимость «идиотскою болезнью», чем в роли всесоветского диктатора.

С какой бы стороны ни подойти к вопросу, ясно одно: сама сталинская диктатура вынуждена открыто признать свою несостоятельность и банкротство во всех сферах своей государственной, хозяйственной и партийной деятельности. Этим саморазоблачением несомненно воспользуются и уже пользуются все внутренние и внешние враги революции и социализма, охотно принимающие тот знак равенства, который сталинская диктатура ставит между собою и революционно-социалистическими перспективами, чтобы, констатируя банкротство первой, провозгласить банкротство вторых. Но этим же саморазоблачением могут и должны воспользоваться все действительные сторонники революционно-пролетарского социализма, которые не переставали указывать на возрастающее расхождение между рожденной революцией, но, по мере истощения своей революционной миссии, все более вырождавшейся и перерождавшейся диктатурой и действительными потребностями революции и социализма и не переставали предсказывать, что это расхождение должно будет закончиться полным разрывом, если совершившие революцию трудящиеся классы своевременно не сумеют или не смогут своими собственными силами демократически ликвидировать исторически пережившую себя и «тоталитарно» преобразованную диктатуру.

Кому в действительности удастся «использовать» так очевидно вскрывшееся банкротство сталинской диктатуры: явным и скрытым силам контр-революции или трудящимся классам? Кто кого? Этот вопрос все настойчивее становится в порядок дня, и от решения его зависят конечные судьбы русской революции — ее завершение открытой «бонапартизацией» диктатуры со всеми вытекающими отсюда политическими и социальными последствиями или подлинной демократизацией советского режима с сохранением максимума революционных завоеваний трудящихся и возможностей ускоренного развития к социализму. Ибо не может быть сомнения: дело идет не только о кризисе государственного, хозяйственного и партийного аппарата диктатуры, а о кризисе самой тоталитарной сталинской диктатуры и тем самым о политическом кризисе всего советского режима, как он сложился к двадцатому году революции.

Сам Сталин хорошо чувствует, что его единодержавие в том виде и облике, как оно развивалось и существовало до сих пор, продолжаться не может. В борьбе за самосохранение тоталитарная сталинская диктатура вынуждена перестраиваться на новый лад, подводить под себя новые социальные подпорки, усваивать новые лозунги, новые понятия, новые нравы, новую идеологию, лишь словесно и формально прикрывая все более углубляющийся разрыв с собственным революционным прошлым. Только в свете этой вынужденной перестройки могут быть поняты и политически оценены и ее бегство в «демократию», и ее кровавые расправы с «старым большевизмом», и та беспощадная «чистка» государственного и партийного аппарата, одним из наиболее ошеломляющих эпизодов которой являются арест Ягоды, всесильного гла-

вы ГПУ, с одной стороны, снятие с поста такого «столпа», как П. Постышев, с другой, для которого конечно скромная должность «исполняющего обязанности первого секретаря» Куйбышевского обкома явится таким же временным и, надо думать, кратковременным этапом на пути в политическое, а, может быть, и физическое небытие, каким оказались скромные посты, предоставленные в свое время Зиновьеву, Каменеву, Раковскому и столь многим другим...

**

Сталинская диктатура перестраивается на новый лад. Из классовой и партийной она хочет стать «всенародной». Отсюда — ликвидация «исторической школы Покровского» и юридических «ересей» Пашуканиса, реабилитация традиционной «любви к отечеству и народной гордости» и попытки изобразить Сталина прямым наследником Рюрика, Синеуса и Трувора. Отсюда — новая демократическая конституция и превращение этой конституции в краеугольный камень всей перестройки.

Конечно, «демократия» этой конституции задумана, как демократия плебиспитарная. О том, как ее понимает сталинская диктатура, наглядно свидетельствуют происходящие ныне «демократические» перевороты в партии. (Критика не только допускается, но прямо поощряется — с тем только, чтобы эта критика была «не враждебной»: чтобы она обрушивалась на всех, «не взирая на лица», но останавливалась у подножия сталинского трона; чтобы она обличала все ошибки, все уклонь, все проступки и преступления, все отступления от предписанной сверху политической линии, но не касалась ни словом самой этой линии, не заикалась о самых основах политики сталинской диктатуры. Тайна выборов обеспечена, — но опять-таки с тем, чтобы список подлежащих голосованию кандидатов составлялся предварительно открытым голосованием под бдительным наблюдением и руководством партийного начальства, и чтобы никто не смел подавать голос за кандидатов, не внесенных в этот список.

Порядок партийных выборов дает предвкушение той инструкции по производству выборов в государственные и местные учреждения, над выработкой которой вот уже сколько месяцев потеет Президиум ЦИК'а. Все, что можно сделать для фальсификации провозглашенной демократии, будет конечно сделано. И все-же всемогущая сталинская диктатура хорошо сознает, какой рискованной и азартной игрой является для нее вынужденная апелляция к демократии. Она хорошо понимает, каким мощным оружием может оказаться тайна выборов в руках трудящихся масс, даже если эта «тайна» гарантирует им лишь возможность — не своих кандидатов проводить, а проваливать кандидатов, им принудительно навязываемых, если массы захотят и сумеют воспользоваться этим оружием. И потому-то к этим выборам, которые, ведь она сама будет «делать», она относится с величайшей серьезностью. Потому-то она готовится к ним с неослабевающей энергией и последовательностью. Потому-то она буквально ни перед чем не останавливается, чтобы выиграть предстоящую ей рискованную игру, — не только перед чудовищными преступлениями процессов и кровавых расправ, но и перед тем саморазоблачением, о котором мы говорили выше и которое как будто ей самой наносит тяжчайшие удары: она знает, что близится момент, когда для нее все будет поставлено на карту, и что исход выборов может сыграть решающую роль в развязке назревающего кризиса. Неудача или хотя бы не «стопроцентная» удача

плебисцита может нанести сталинской диктатуре рану, от которой она уже не оправится. Поэтому уже сейчас вся политика Сталина (см. его доклад и заключительное слово на пленуме ЦК) проходит под знаком: все для выборов!

Мы уже не раз говорили о том, в какой связи с предстоящими выборами находится истребительная война Сталина против «старого большевизма», имеющая целью морально дискредитировать и, по возможности, физически уничтожить все возможные центры кристаллизации «оппозиции». Той-же цели служат вновь начавшиеся массовые аресты социалистов и переброска их из одних мест ссылки, где они могли приобрести симпатии населения, в другие, где они к моменту выборов будут неизвестными «чужаками». И, наконец, главным орудием сталинской «подготовки к выборам» является та массовая и беспощадная «чистка», которая попутно и вскрывает катастрофическое состояние его собственного государственного и партийного аппарата.

«Обличения» льются все более бурным потоком. Наркомы, замнаркомы и прочие сановники один за другим «освобождаются» от занимаемых ими должностей. Слетают с годами насильственных мест сотни партийных секретарей — местных, районных, областных. Бессменные доныне большие и маленькие сатрапы дрожат за свой завтрашний день: Сталин, «отец народа», выдает этому народу с головою своих долголетних «верных слуг», объявляемых ныне «неверными рабами». Тоже своего рода возобновление старых исторических традиций Кремля! И можно не сомневаться, что сотни тысяч, если не миллионы встречают эту расправу с чувством удовлетворения. Ибо кто-же не понимает, сколько произвола, насилия, своекорыстия, лихоимства на одном полюсе, обид, унижений, незабываемых страданий на другом накопилось за долгие годы самовластия ставленников сталинской тоталитарной диктатуры!

Но Сталин выдает на поток и разграбление своих вчерашних ставленников лишь затем, чтобы заменить их новыми — теми «ждущими своего выдвижения», о которых он с такою откровенностью говорил в своем докладе. Это они, «свежие силы» завтрашнего дня спешно делают свою карьеру на обличении вчерашних сатрапов. Это в сонме их, «ждущих выдвижения», тонут те честные, но наивные коммунистические одиночки, которые и впрямь вообразили, что наступила пора, когда и они могут сказать слово в своей собственной партии. Это они, от имени «отца народа» выступающие в качестве бесстрашных «защитников народа» от насильников и обидчиков, являются естественными кандидатами, его кандидатами не только для партийных, но и для всеобщих выборов. Это они несут на эти выборы плебисцитарное звание, на котором написан — тоже традиционно — российский! — лозунг: «жалует царь, да не милует псаре!»! Законы великого вождя «святые, да исполнители лихие супостаты»!

Так на всех парах подготавливает сталинская диктатура свой всенародный плебисцит. Правда, такая подготовка связана для нее с великими опасностями. Перетряхивая весь свой не только партийный, административный и хозяйственный, но полицейский и военный аппарат и всенародно обличая его скверны, Сталин может заставить миллионы людей поверить, что все зло и впрямь лишь в «псарях» и «исполнителях», но не заставит ли он миллионы других крепко задуматься о самом существе «тоталитарной диктатуры», под покровом которой оказалось возможным такое накопление всяческой нечисти и всяческих безобразий? Заставляя дрожать самое ближайшее окружение свое, не толкает ли он сам это окружение на совершение «переворо-

та» и использование подготавливаемого им плебисцита для санкционирования их переворота?

Риск тут для Сталина, несомненно, есть, и риск огромный. Но выбора у него нет. Если он не хочет или, связанный уже нерасторжимыми узами с коррумпированной верхушкой советского общества, не может добровольно приступить к подлинно-демократической ликвидации своего единодержавия, к подлинной демократизации режима, опирающейся на подлинную самостоятельность трудящихся масс, то ему ничего другого не остается, как поставить свою ставку на плебисцит и готовить этот плебисцит с предельным напряжением сил и всеми необходимыми для его успеха средствами. И с этой точки зрения предпринятая им «чистка» является, конечно, куда более действительным средством, чем постыдные процессы, а расправа с «обер-псарем» Ягодой — виновен ли он в приписываемых ему уголовных преступлениях или нет, — прямо-таки мастерским ударом: ведь все московские корреспонденты иностранной печати единодушно свидетельствуют о том, с каким чувством радости была встречена широчайшими кругами населения весть о падении этого человека, ставшего живым воплощением насилия, произвола и террора!

Как бы то ни было, к предстоящим выборам, которые многие добрые демократы и социалисты заранее объявили «комедией» и которые при известных условиях и в известном смысле и впрямь могут превратиться в комедию, сталинская диктатура готовится с завидной энергией и настойчивостью, не останавливаясь даже перед чрезвычайным риском. Она отдает себе отчет в том, какие существенные вопросы политического, а потому и социального, развития Советского Союза будут поставлены в этой «комедии» на карту. Надо, чтобы этот отчет отдали себе и все действительные сторонники революции и социализма, все действительные поборники демократизации режима, как необходимой предпосылки ограждения революционно-социалистических интересов трудящихся масс. И, чем ограниченнее те возможности, которые дает им для подготовки к выборам режим тоталитарной диктатуры, тем с большей энергией должны они пытаться хотя бы эти ничтожные возможности исчерпать до конца!

Использованию новой конституции для цезаристского плебисцита противопоставить использование ее для подлинной демократизации режима — такова задача момента, которую российская социалдемократия должна непрерывно ставить перед сознанием трудящихся и, в первую голову, рабочего класса. Как ни трудна эта задача, она не безнадежна: мы неоднократно указывали, насколько социальные корни и связи большевистской диктатуры, хотя бы и превратившейся в тоталитарную, хотя бы и подвинувшейся далеко по пути вырождения и перерождения, ослабляют сопротивляемость ее и ее разветвленного низового аппарата напору трудящихся масс. Ключ к разрешению политического кризиса не в духе социально-консервативного бонапартизма, а в духе революции и социализма — в пробуждении сознательной и организованной самостоятельности рабочего класса. На работе в этом направлении и должны быть сосредоточены сейчас, на пороге плебисцита, усилия всех искренних поборников пролетарского социализма.

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

А. ЮГОВ.

План 1937 года

Основной смысл последнего выступления Сталина сводится в области хозяйственной к тому, что наиболее важные задачи сейчас находятся не в сфере преодоления хозяйственных трудностей — здесь уже достигнуты и закреплены большие успехи, — а в области политической.

«Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязавших в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера... Чрезвычайное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при забвении партийно-политических вопросов ведет к тупику... Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства».

Такова директива Сталина.

И в связи с этим новым курсом утверждение и опубликование народно-хозяйственного плана на 1937 год на этот раз было произведено в совершенно необычных формах, как бы сознательно подчеркивающих второстепенное значение документа, нормирующего всю хозяйственную жизнь громадной страны.

В прошлые годы утверждению плана предшествовало широкое его обсуждение и в советской печати и в особых совещаниях, созываемых наркоматами. Наконец, самое утверждение обычно производилось на сессии ЦИК-а после обстоятельных докладов председателя СНК-а, председателя Госплана, а часто и наркома тяжелой промышленности.

В этом году не было никаких гласных обсуждений. Не было никаких докладов ни Молотова, ни нового наркома Межлаука. План был опубликован и утвержден 29 марта 1937 года Калинин и Молотовым от имени ЦИК-а и СНК-а.

Опубликованы пока лишь основные цифры плана без серьезных объяснительных записок и без Контрольных цифр, вот уже много лет подряд обычно сопровождающих хозяйственные планы.

В специальных журналах («Плановое Хозяйство», «План») делается попытка объяснить столь резкое изменение традиций. Отныне задача Госплана сведется к определению основных директив плана, а конкретные планы будут вырабатываться по республикам и отраслям и лишь окончательно утверждаться центральными органами Союза.

Это объяснение мало убедительно. И потому, что подобная система прохождения плана фактически существовала и прошлые годы, и потому, что никакого гласного обсуждения плана не было ни по республикам ни отраслям, и потому, наконец, что за народнохозяйственный план СССР несут ответственность Молотов, Межлаук, Каганович и прочие наркомы СССР, а не отдельные местные хозяйственники.

Очевидно, как мы уже указали выше, что центральная власть намеренно хотела подчеркнуть второстепенность вопросов экономики на ближайшее время.

Отчетные данные по выполнению плана за 1936 год, и цифры плана на 1937 год не сообщают ничего неожиданного.

Действительно, почти по всем наркоматам планы перевыполнены. Валовая продукция крупной промышленности выросла за год на 30,3%, продукция местной промыш-

ленности на 30% и продукция кустарных объединений возросла за год на 41,8%.

Этот громадный рост сопровождался в истекшем году значительным уменьшением диспропорций и срывов, хотя полной плановости не удалось добиться и до сих пор.

В 1936 году больших успехов достигли легкая и пищевая индустрия, выполнив планы с избытком и, давши рост на 34,8% и 28,4%.

Тяжелая индустрия в целом возросла на 33% и выполнила план. Но такие важные отрасли, как угольная, нефтяная, автомобильная, вагоностроение и сел.-хоз. машиностроение не довыполнили плана. То, о чем мы писали неоднократно и что считали характерным для советской индустрии, сейчас признано и самим Сталиным. «Суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям планы также выполнены... Продукция производится некомплектно и неполноценно».

Это обстоятельство создает целый ряд узких мест и прорывов, и оно, естественно, тревожит руководителей советского хозяйства. Но для правильной оценки этого явления надо все же отметить, что даже и эти отстающие отрасли дали за год громадный рост: продукция угля возросла за год на 19%, продукция нефти на 18%, вагоностроение на 27%, автомобильная индустрия на 14%.

Учитывая необходимость подтянуть отстающие отрасли индустрии в 1937 году, в последнем году второй пятилетки, план на 1937 год почти по всем отраслям намечает темпы, несколько более низкие, чем в 1936 году.

В среднем рост по тяжелой промышленности намечается в 20%, при этом по промышленности производящей средства в 19,5%, а по промышленности, производящей предметы потребления в 20,8%. По отдельным отраслям снижение темпов особенно показательно: так, напр., по чугуну план намечает на 1937 год рост лишь в 10%, в то время, как в 1936 году план намечал рост в 16%, по стали соответствующие цифры 23% и 28%, по прокату 26% и 30% и т. д. И даже по углю, отставшему в 1936 году, план в 1937 намечает рост в 19%, а в 1936 году намечал в 26,6%.

Яркое, хотя и позднее признание того, что план 1936 года был по углю чрезмерен и, что увеличению добычи угля сейчас должно предшествовать большая реконструктивная работа. Сильно увеличены программы по автомобильному и вагонному строительству, уменьшены планы по производству комбайнов. Планы по всей легкой и пищевой индустрии значительно увеличены.

Большие успехи достигнуты в 1936 году в области повышения производительности труда. План намечал увеличение производительности в 20%, отчет сообщает, что удалось достигнуть роста в 19,5%. В какой мере это удалось осуществить за счет лучшей организации труда и лучшего использования станков и машин, а не за счет интенсификации труда рабочих, отчетный материал пока не дает оснований для суждения. Колоссальное увеличение трамватизма и широкое применение сверхурочных работ, о которых лишь сейчас проникли сведения в советскую печать, заставляют нас думать, что труд рабочих за 1937 г. значительно интенсифицировался. Отчетные данные, однако, показывают, что в ряде отраслей — металлургия, металлообработка, точная механика — достигнуты лучшие показатели использования механизмов и аппаратов.

Вторая задача, поставленная перед индустрией в 1936 году — улучшение качества и умень-

шение себестоимости — сказалась невыполнена и в 1936 году. Некоторые успехи достигнуты, но они далеко недостаточны: в основном качество продукции стоит на весьма низком уровне, а себестоимость очень высока.

План 1937 года намечает увеличение производительности в 19,5%, снижение себестоимости в 3,1% и снижение расхода по различным видам топлива в среднем в 8-10%. Капитальные вложения в индустрию намечены в предстоящем году почти в том же размере, что и в 1936 году — 13,9 млрд. руб., при этом львиная доля идет в тяжелую и оборонную индустрию — 8,7 млрд. руб., а остальное — в легкую, лесную, пищевую и местную промышленность.

Истекший год был годом существенных успехов и в сельском хозяйстве. Отступление перед частнохозяйственными потребностями крестьян, уменьшение, хотя и далеко недостаточное, доли продукции, отбираемой у крестьян в пользу государства создали и перевеявшие предпосылки для укрепления хозяйства.

Колхозы еще далеко не стали крестьянской кооперацией, но в них медленно начинают устанавливаться условия, при которых колхозное крестьянство может работать не только в интересах государства, но и для роста своего жизненного уровня.

Упорной борьбой в новых колхозных условиях, давлением изо дня в день колхозное крестьянство вносит поправки в план, предписываемые ему государством. В последние годы крестьянство сознательно переносит центр тяжести своей работы в технические культуры и в животноводство, отрасли наиболее пострадавшие за годы принудительной коллективизации и наиболее выгодные для крестьянства, особенно в современных условиях.

В 1937 году колхозы охватывают свыше 90% всех крестьянских хозяйств и владеют 98,2% всех посевных площадей. Приходится сделать вывод, что хозяйственное значение единоличного крестьянства сейчас сведено на нет и, что несколько миллионов единоличного крестьянства уже почти совершенно лишено земли и обречено на батрачество в совхозах и уход на заводы в города, так как вступление в колхозы сейчас очень осложнено.

В колхозах в текущем году в очень больших размерах было осуществлено закрепление земли. Выдача актов произведена в 1937 году в отношении 92% всех колхозов, т. е. для свыше 200 тыс. колхозов. В большинстве всех этих колхозов произведены землеустроительные работы, конечно лишь в отношении колхоза в целом. Землеустройство внутри колхозов, распределение пашни, лугов, дорог, установление севооборотов находится лишь на первых стадиях работы.

Здесь интересно будет отметить, как далеко идет советская власть в своем стремлении создать в сельском хозяйстве стимул частнохозяйственной заинтересованности крестьян. Советская власть за 1935, 1936 и 1937 годы значительно уменьшила площадь, находящуюся в использовании совхозов, и передала эти земли в пользование колхозов. За эти годы, по всем районам СССР специальными декретами колхозам было передано навечно свыше 20 млн. га, т. е. больше 1/4 всей площади земли, бывшей ранее у совхозов. В ведении совхозов оставлены лишь хозяйства, имеющие показателное значение или, доказавшие, что, в силу всей совокупности условий, они могут целесообразно вести крупное хозяйство, находясь в государственном управлении.

Неблагоприятные условия весны 1936 года определили в ряде районов, в том числе на Украине, гибель озимых культур, площадь которых пришлось пересеять

яровыми культурами. В результате посевная площадь зерновых, хотя и незначительно, но уменьшилась: в 1935 году — 103,4 млн. га, а в 1936 году — 102,6 млн. га. Размеры валовых сборов по зерновым культурам за 1936 год до сих пор не опубликованы, и уже одно это обстоятельство заставляет думать, что результаты ниже тех, которые намечал план. Но хороший урожай в основных зерновых районах и своевременно принятые меры позволили государству оказать в 1936 году широкую посевную помощь в районах пострадавших от недорода хлебов.

На 1937 год намечается план посева под зерновые культуры в 102,8 млн. га, т. е. почти без повышения, с тем, чтобы центр внимания был перенесен на качество обработки почвы и других полевых работ.

Но характерным для 1936 года являются крупные успехи в области технических культур. Под хлопком, льном, свеклой, масличными культурами, картофелем и огородными культурами значительно увеличилась посевная площадь и, что особенно существенно, широко увеличилась и урожайность.

План на 1937 год намечает дальнейший рост и посевных площадей и сборов технических культур, для чего предполагается в сельское хозяйство направить большое количество искусственных удобрений, специализированные машины и увеличить площадь искусственного орошения.

В 1936 году, как и в предыдущем, продолжался рост поголовья, как крупного, так и мелкого скота. Особенно увеличилось число скота, находящегося в личном пользовании колхозников, так, напр., крупный рогатый скот увеличился у колхозников с июня 1935 года по июнь 1936 года на 6 млн. голов, овец и коз на 8 млн. голов и свиней на 5,5 млн. голов. Существенно отметить, что, в виду плохих перспектив по урожаю кормовых, план развития животноводства на 1937 г. еще не утвержден и передан на дополнительное рассмотрение СНК-а.

Рост сборов технических и огородных культур, увеличение скота и продуктов животноводства сильно подняли в 1936 году товарность хозяйства колхозов и колхозников и, благодаря этому, в среднем сильно увеличили доходность сельского хозяйства и уровень его потребления, несмотря на недород в некоторых районах зерновых культур.

Но для правильной оценки степени благосостояния современной колхозной деревни, надо всегда помнить, что, во-первых, эти средние показатели, хотя и повысились, но еще находятся на весьма невысоком уровне, недалеко ушедшем от среднего довоенного уровня, и, во-вторых, что средний уровень — совершенно не отражает громадной дифференциации, которая характерна и для доходов и для питания современной колхозной деревни. Но об этом мы писали уже не раз.

Сильно возросло в 1936 году обеспечение колхозов и совхозов сельско-хозяйственными машинами. Число тракторов достигло 450 тыс. штук с мощностью в 8,4 млн. лощ. сил, т. е. превысило предположения всего второго пятилетнего плана.

План намечает на 1937 год увеличение с.-х. машин на полях на 1,2 млрд. рублей, в том числе 66 тыс. тракторов, 55 тыс. комбайнов, 120 тыс. сеялок, 160 тыс. молотилок, 127 тыс. культиваторов и т. д.

Но несмотря на удовлетворительные итоги 1936 года и намечаемые большие вложения в сельское хозяйство на 1937 год, перспективы будущего года весьма тревожны. Одна из причин — своеобразная весна текущего года. Почти во всей полосе юга и юго-востока СССР весна началась очень рано, снег быстро стаял, сильные ветры затем быстро высушили почву. При таких условиях было необходимо про-

вести сев буквально в несколько дней. Между тем, Наркомзем, его Управление, МТС и колхозы в большинстве случаев оказались к этой задаче неподготовлены.

Тракторы и машины оказались не отремонтированы, посевной материал не подготовлен, горючее не подвезено, бригады не организованы.

В результате на 15 марта оказалось засеяно всего 734 тыс. гектаров яровых вместо 4 миллионов гектаров в прошлом году, а в южных районах — в Крыму и в Азово-Черноморском краю — было засеяно даже меньше одной десятой прошлогоднего.

Сейчас, после чрезвычайных мер, принятых из центр, посевная кампания начала развиваться форсированными темпами и несколько нагоняет пропущенные сроки.

На 10 апреля всего по Союзу засеяно 14.568 тыс. гектаров яровых культур, т. е. 16% всего весеннего сева, в прошлом году на это число было засеяно 12.420 тыс. га. Отставание ликвидировано, но для некоторых районов лучший период утерян уже безвозвратно.

Как показал опыт первых лет коллективизации подобное запаздывание губительно отзывается на посевах и для всей страны положение может быть облегчено лишь дружным и своевременным посевом в более северных и западных полосах. На это-то сейчас направлена энергия центральных властей.

Но в этом бедствии с посевами имеется еще другая весьма поучительная сторона. Не успел Сталин дать директиву: лицом к партийно-политическим вопросам, как вся армия больших и малых начальников «перестроилась» и без всякого чувства ответственности бросила в беспорядке то дело, которым она до сих пор руководила.

«Правда» пишет: «люди почувствовали себя, как бы в отпуску... руководители проспали весенний сев... они решили, что поворот к партийно-политическим вопросам освобождает их от руководства сельским хозяйством... они предоставили все самотеку...»

Действительно, в результате «нового курса» никто не знал, что ему следует делать, руководители оказались совершенно дезориентированы.

Ну, а правления колхозов, ну, а колхозники, которые десятки лет работали на поле до коллективизации и МТС? Они не знали, как им быть, поскольку от начальства не было директив. Они боялись ответственности... В этом трагическая сторона современных советских противоречий.

Люди, долгие годы работавшие лишь по приказу, утратили способность работать без приказа. Нужна решительная встряска, чтобы эта способность к ним вернулась...

В условиях ежедневного, мелочного, всеподавляющего приказа гложет, атрофируется всякая самостоятельность.

Сейчас советская печать полна статей, пытающихся сочетать невмешательство партийных органов с обязанностью вмешательства («следует, мол, руководить, но не пытаться подминать под себя руководимых»), сейчас на практике вновь повсюду восстановилась привычная обстановка «ударной кампании», где все руководство в руках партийных организаций. Но жизнь ярко показала, что в современной советской обстановке, после долгих лет всеобъемлющей диктатуры не может быть места половинчатому компромиссу.

Для того, чтобы жизнь продолжалась, пекарни выпекали хлеб, а крестьяне работали на полях, надо чтобы диктатура продолжала раздавать свои универсальные приказы, надо, чтобы она управляла каждым шагом городского или сельского пролетария. Это — одна, существующая сейчас в СССР, форма. Но она неизбежно порождает бюрократизм и произвол у управляющих и пас-

сивность, боязнь ответственности у управляемых. Это то положение, от которого пришел в ужас в 1937 году сам Сталин.

Другая форма, обеспечивающая нормальное функционирование хозяйства в городе и деревне — это предоставление полной самостоятельности всему населению и его организациям. Этот путь откроет громадные возможности коллективного творчества и инициативы. Всякий средний путь, путь полууступок — будет создавать бесчисленные прорывы, эксцессы и бедствия в роде того, которое только что случилось на полях Советского Союза.

Перспективы хозяйства СССР на 1937 год заставляют нас думать, что директива Сталина об отодвигании хозяйственных вопросов на второй план не будет выполнена. Сам Сталин от нее откажется.

Но Сталин прав в одном: теперь ни один вопрос, даже сугубо хозяйственный, не может быть решен вне политики.

Этого требуют и нужды населения, это вытекает и из потребностей развивающегося хозяйства.

С. ШВАРЦ.

Проблема решается в низах

Демократическая идея находит в Советском Союзе массу неожиданных друзей. Самые матерые душители демократии во всех ее даже самых скромных формах принимают на себя демократическое обличье. Все они объявляют себя убежденными и преданными демократами. Все они призывают к покаянию и до определенной степени иерархической лестницы все они каются и клянутся отныне и присно и во веки веков хранить верность демократическим принципам. В европейской печати заговорили даже о покаянном массовом психозе, охватившем весь верхний и средний слой советской бюрократии, о какой-то своеобразной эпидемии флагеллянтства (иступленного самобичевания). Но эпидемия эта, как все в Советском Союзе, подчинена законам плановости, она останавливается на пороге ЦК компартии, члены которого, призывая ко всеобщему покаянию, даже и не заикаются о грехах самого всемогущего ЦК и тем более об ошибках и преступлениях того Всеведущего, по «непосредственной инициативе» которого происходит решительно все сколько-нибудь значительное в необъятной стране.

Сейчас, как практическая задача, поставлена официально в порядок дня демократизация организационной структуры компартии. В конце февраля пленум ЦК компартии постановил ввести на всех ступенях партийной «системы» тайное голосование. Правда, три недели спустя в систему тайного голосования был внесен грубый корректив в форме предварительного открытого голосования кандидатур, по которым кем-либо заявлен отвод. Но даже и в этой убогой форме система тайного голосования оказывает оздоровляющее влияние на внутреннюю жизнь компартии и во многих местах стимулирует борьбу партийных масс с коррумпированным, прогнившим в навыках произвола и самовластья, аппаратом.

Но тайные выборы вводятся пока лишь в компартии. Даже для «советской системы», тайное голосование в пределах которой «обеспечено» «сталинской» конституцией, все пока остается по старому, так как съезд советов ограничился лишь принятием основных принципов избирательной системы (в том числе и принципа тайного голосования) и предоставил разработку порядка

выборов (выработку «избирательного закона») ЦИК'у, который с этим делом явно не торопится. Но если в пределах советской системы проведение выборов по старинке уже оказывается невозможным и до выработки нового избирательного закона, очевидно, просто не будет никаких выборов, то во всех прочих организациях — в частности в колхозах и в профсоюзах — правящая бюрократия явно цепляется за старую систему выборов с открытой подачей голосов. Повидимому, даже кое-кто из участников пленума ЦК отдавал себе отчет в том, что эти реакционные настроения до добра не доведут, и поставил в прениях вопрос о «перестройке работы других организаций». Но Жданов в своем заключительном слове решительно одернул таких критиков: «Условием перестройки и советских, и профессиональных, и комсомольских организаций (а колхозов?) является прежде всего перестройка самой партийной организации, как основной руководящей силы, как основного руководящего ядра всех наших организаций». И Жданов по своему ведь прав: сочетать тайное голосование с обеспечением за компартией «руководящей роли» во всех бесчисленных низовых организациях рабочего класса и крестьянства это ведь действительно задача замысловатая.

А между тем именно тут — в колхозах и профсоюзах, т. е. в организациях охватывающих громадное большинство обоих общественных классов, вынесших на своих плечах революцию, — введение тайного голосования особенно необходимо. Без него немыслима действительная демократизация колхозов и профсоюзов. А только подлинная демократизация колхозов и профсоюзов, превращение их в органы свободной коллективной массовой самостоятельности может создать прочный фундамент советской демократии и остановить процесс бюрократического вырождения советского государства и социального перерождения советской бюрократии. Но этого-то правящая бюрократия и боится, и поэтому так половинчато, так убого ставятся ею все вопросы, связанные с демократизацией массовых рабочих и крестьянских организаций.

В рамках настоящей статьи я остановлюсь лишь на профсоюзах, которые вот уже несколько месяцев топчутся вокруг проблемы демократизации. Месяца два назад я уже писал об этом в «Социалистическом Вестнике» *). Тогда вопрос официально ставился как будто очень узко, лишь в рамках перестройки профсоюзного аппарата путем замены значительной части платных работников добровольческим активом. В этой области действительно кое-чего удалось достичь, и положительные результаты этой организационной реформы кое-где уже сказываются. Но это были лишь первые шаги. В связи с повсеместным «обсуждением итогов пленума ЦК» вопрос о демократизации профсоюзов встал формально уже гораздо шире. В припадке покаянной откровенности руководители профсоюзов и официальная печать нарисовали действительно жуткую картину современного профсоюзного быта.

Еще в конце 1935 года, когда вдруг неожиданно открыто был поставлен вопрос о «кризисе профсоюзов», так же неожиданно — и молчаливо — снятый двумя месяцами позже с обсуждения, состояние советского профдвижения было обрисовано в официальной печати в чрезвычайно мрачных красках *). «Прошло полтора года, и если положение как

нибудь изменилось, то только к худшему», в припадке самодовольно-покаянной откровенности подчеркивает передовик «Правды» (8-го апреля). Центральный орган компартии изменил бы впрочем себе, если бы тут же не поспешил обелить принципиально безгрешный ЦК ВКП, который де не переставал «предупреждать» и «сигнализировать» о необходимости преодолеть отставание, прекратить спячку». Бедный, добрый ЦК, который все видит («сам не спит и другим спать не дает»), все знает, всех «предупреждает», но сам ничего не может и, конечно, ни за что не отвечает. Точно не ЦК ВКП удлился еще в 1929 году последние слабые ростки профсоюзной самостоятельности и с тех пор бесраздельно правит профдвижением через своих посаженных повсюду и без лести преданных Молчалиных. Сейчас все эти Аболины и Евреиновы, Вейнберги и Алексеевы и прочие Шверники усердно занимаются предписанным самосечением, а непорочные партийные девы с подчеркнутым негодованием «разоблачают» всю глубину профсоюзного падения.

Стоит присмотреться поближе к этой фарисейской системе своеобразного разделения труда. На собрании Ленинградского актива секретарь обкома ВКП Щербаков подверг резкой — и по существу, конечно, верной — критике деятельность Ленинградского облпрофсовета и его председателя Алексеева:

«Работа в областном совпрофе развалена. Никакой демократии там нет. Пленум совета не собирался уже два года. На многих заседаниях президиума не бывает законного числа членов, а в некоторых случаях тов. Алексеев «заседает» в единственном числе».

Председатель совпрофа Алексеев, бессменный «руководитель» Ленинградского профдвижения с лета 1929 года, когда в порядке разгрома профсоюзов ЦК ВКП посадил его профсоюзным наместником в Ленинграде, конечно, поспешил «согласиться с суровой оценкой работы ленинградских профсоюзов»:

«Пожалуй, — говорит он, — нет в нашей стране другой такой организации, где бы принципы демократизма нарушались в большей степени, чем в профсоюзах. В практике профсоюзов укоренились грубейшие извращения. В профсоюзных органах, как правило, сидят назначенцы. Президиум Ленинградского облпрофсовета болел ликвидационными настроениями, был беспечен, нечутко относился к рабочим. Самокритики в профсоюзах не было».

Я полностью несу ответственность за ошибки облпрофсовета, — продолжает тов. Алексеев. — В моей работе не было большевистской бдительности, а была самоуспокоенность. Я боялся запятнать честь профсоюзного мундира» («Правда» от 21-го марта).

«Был беспечен», «нечутко относился к рабочим», «боялся запятнать честь мундира» — как осторожно и деликатно выбирает свои выражения этот профсоюзный Держиморда. И ведь после таких признаний он чувствует себя чуть-ли не победителем. Что ни говорите, прекрасная вещь исповедь! Очистившись ею от грехов, ЦК-истский назначенец может и далее вершить и править ленинградским профдвижением и даже «руководить» осуществлением профдемократии.

На состоявшемся в конце марта многодневном собрании профсоюзного актива ВЦСПС очередь дошла уже до самых высших профсоюзных чиновников. В течение шести часов покаянно бил себя в грудь Шверник. Как жаль, что «Труд» (от 26-го марта) — уже не в порядке-ли «зажима самокритики»? — посвятил изложению этого доклада всего несколько десятков строчек. Но даже и из этого причесанного изложения мы узнаем о «грубейших нарушениях профсоюзной демократии, бюрократизме, пренебрежительном отношении к правам и запросам членов союза», как характерных чертах всей системы советских профсоюзов. «Профсоюзы за-

*) См. статью «Профсоюзы на перепутьи» в № 4 (394) от 25-го февраля.

*) См. статью «Кризис профдвижения» в № 23/24 (355/356) «С. В.» от 28-го декабря 1935 г.

бросили дело охраны труда и техники безопасности». «В полном упадке находится массовая работа профсоюзов, как в области производства, так и в области культуры и политического воспитания рабочих масс». «Со всем забросили профсоюзы организационную работу».

Швернику вторит другой секретарь ВЦСПС Аболин. Он «чувствует на себе груз канцелярско-бюрократических методов руководства, отсталость методов своей работы, отсутствие необходимой политической остроты в работе». «В стиле нашего руководства много показной коллегальности, заседательской суетни, канцелярщины» («Труд» от 30-го марта). За Аболиным — Евреинов:

«Работу ВЦСПС характеризовала ограниченность. Основные вопросы профдвижения не ставились. За это нас били не раз. И теперь бьют за нарушение профдемократии, за слабость организационной работы, за развал в охране труда. Все эти вопросы лежали, а мы занимались мелочью, текучкой. Почему это так получалось? Вызывает президиум и в первую голову секретари ВЦСПС и лично я» («Труд» от 30-го марта).

И т. д., и т. д. Подводя итоги этой четырехдневной страде, «Труд» дает общую характеристику работы ВЦСПС, с которой трудно не согласиться:

«...ВЦСПС допустил грубейшие нарушения демократии. Больше двух лет не собирался пленум ВЦСПС. Не выработан устав профсоюзов, хотя поручение выработать устав было дано ВЦСПС съездом профсоюзов еще пять лет назад. Во всех профсоюзных органах — от ЦК союзов до цеховых комитетов — широко развиты назначенчество и кооптация работников, с чем ВЦСПС не вел никакой борьбы, более того — сам поощрял эти вопиющие нарушения профдемократии. Общие собрания рабочих и служащих для обсуждения профсоюзных вопросов почти перестали созываться. ВЦСПС абсолютно ничего не предпринял, чтобы исправить эту недопустимую практику. Ответность руководящих органов перед массами фактически отсутствует. ВЦСПС сам подает этому пример. В профсоюзах — по вине ВЦСПС — уже несколько лет не было выборов руководящих профорганов...»

Организационная работа в профсоюзах запущена до крайности или совсем заброшена. ВЦСПС осуществляет мелкую и мельчайшую опеку над центральными комитетами профсоюзов и в то же время не решает важнейших вопросов руководства профессиональными союзами. Секретариат ВЦСПС подменяет президиум...» («Труд» от 2-го апреля).

В этой характеристике есть одна интересная подробность, на которую в широких кругах читателей, может быть, не обратили внимания: «Больше двух лет не собирался пленум ВЦСПС». Действительно, последний пленум ВЦСПС, о котором печатались отчеты в газетах, состоялся еще в конце декабря 1934 года. Но вот 5-го марта 1935 г. «Труд» сообщил, что «4-го марта пленум ВЦСПС постановил кооптировать в состав ВЦСПС тов. Полонского В. И. и избрал его членом президиума и секретариата ВЦСПС». А 16-го сентября 1936 года в той же газете было сообщено, что «постановлением пленума ВЦСПС от 15-го сентя-

бря 1936 г. т. Николаева К. И. введена в состав пленума, президиума и секретариата ВЦСПС». В обоих случаях профсоюзная общественность была значит, заведомо обманута, никакого пленума не собиралось, и совершенно чуждые профдвижению Полонский и Николаева были «введены» в состав пленума, президиума и даже секретариата ВЦСПС — распоряжением ЦК ВКП. А ведь секретариат ВЦСПС в свою очередь уже давно узурпировал права и президиума, и пленума ВЦСПС, и даже съезда профсоюзов, вопреки всем законам не собиравшегося уже с 1932 года и о созыве которого никто из истоков кающихся профсоюзных грешников не смеет пока — пока ЦК не велел! — даже и заикнуться.

И, пожалуй, ненасправно. Ведь постановка вопроса о созыве съезда профсоюзов, чего доброго, выдвинет в порядок дня проблему пересмотра самых основ советского профдвижения и прежде всего проблему действительной демократизации низовых профсоюзных организаций с введением тайного голосования и подлинно-демократических выборов. Сейчас о демократизации низовых профорганизаций почти молчат. Даже и та перестройка их, о которой так много говорилось в связи с сокращением платного аппарата и заменой его добровольческим активом (см. выше), как-то отступила в тень. Псевдо-коммунистическая бюрократия знает свое слабое место: каждый, хотя бы и небольшой шаг вперед по пути демократизации низовых профорганизаций означает прорыв на фронте бюрократического самовластия. Так уж лучше по возможности локализовать покаинное рвение в средних и верхних звеньях профсоюзной «системы». Пока низовые профорганизации находятся в состоянии паралича, разговоры о демократизации руководящих органов не так уже опасны. Что за беда лишний раз покаяться? Осталось бы лишь все по-старому.

Но покаинные самообличения профсоюзных горе-руководителей, всех этих «профсоюзных вельмож», «профсоюзных воевод», «директоров профсоюзов», «пампадунов из совпрофов», «профсоюзных надзирателей» и т. д., и т. д. — казенные перья не скупятся сейчас на крепкие словечки — заставили насторожиться рабочие массы. Можно замалчивать проблему демократизации низовых — т. е. массовых — профорганизаций. Но если проблема эта будет поставлена самими низами, от нее уже не отвертеться. Можно замалчивать необходимость перехода к системе тайного голосования. Но после признания этой системы конституцией и принятия в компартии нет аргументов, с помощью которых правящая бюрократия сможет защищать систему открытого голосования в профсоюзах, когда требование тайного голосования будет поставлено массами. Проблема демократизации профсоюзов сводится к проблеме активности рабочих масс. Там, где эта активность будет проявлена, сопротивление парт- и профбюрократии будет сломлено.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Идеологические метаморфозы

По своему началу русская революция во всех своих фазах (1905 год, Февраль и, особенно, Октябрь 1917 года) оправдывала предсказание Маркса о том, что грядущая революция будет «черпать для себя поэзию не из прошлого а только из будущего». Наряду с беспощадной ломкой старого общественного уклада Октябрьская революция на каждом шагу, во всех областях жизни,

делала новые наметки. То новое, что чуть не ежедневно возвешалось в воззваниях и постановлениях революционного правительства, действительно не нуждалось «в великих исторических воспоминаниях»: на ветру новых дорог, открывавшихся первыми декретами, трепетал только один плакат, только один «большой лоскут» — Будущее.

Законодательное творчество революции питалось и вдохновлялось смутной творческой тоской миллионов трудящихся. Позднее, когда революционная стихия была временно укрощена, если не гранитом новой конституции, то свайными укреплениями нэпа, о неизвестных миллионах написано было немало высокопарного и льстивого вздора.

Реальная действительность начала революции мало походила на стиль советского барокко, ныне торжествующего на картинах Герасимова и других советских художников.

Выход неизвестных миллионов на авансцену мировой истории на самом деле не блистал ни красками, ни позументами. Легкие в своей нищете, вооруженные единственным оружием нищеты — отчаянием — вышли эти миллионы на улицы, запрудили пути и дороги одной шестой части земного шара. К бедности их одежды как-то шла бурая бумага, на которой печатались первые декреты революционного правительства, а иные слова этих декретов съелись подчас тем же светом, что мелькал в измученных глазах этих миллионов: сквозь затравленность и ожесточение жила в них какая-то первобытная в своей чистоте человечность.

Три черты Октябрьской революции с самого начала бросались в глаза: гигантская, подлинно-народная революция, она словно стыдилась своей народности и упорно добивалась признания себя пролетарской; самая демократическая по своему социальному охвату, она начала с объявления священной войны демократии, отстаивая диктатуру пролетариата; национальная, как и всякая народная революция, она заботилась преимущественно о своем международном престиже.

В ходе последующих событий гражданской войны эти черты получили свое объяснение. Народность, демократия и нация в сложном переплете борющихся сил были знаменем российской контр-революции, отрицавшей за «большевиками» их народность, их демократичность, их право отстаивать национальные интересы России. Национальная по своей форме, социальная по своей проблематике и динамике, Октябрьская революция инстинктивно отказывалась от идеологического оружия, которым противник мог владеть искуснее ее. Она вышла в бой со старым миром, вооружась таким казавшимся несолидным оружием, как пролетарская идеология и идея международной солидарности трудящихся. И она победила этим оружием. В этом смысле Октябрьская революция войдет в историю, как революция пролетарская.

Но у Октябрьской революции была еще одна черта, отличавшая ее от прежних революций и, в частности, от Великой французской революции. Гигантский территориальный размах русской революции при одновременной экономической отсталости страны рано ослабил в ней потребность в экспансии, свойственную всякой революции. Сознание, что окончательная победа русской революции, как революции пролетарской, возможна только при победе социальной революции на Западе, — практически парализовалось огромными, довлевшими себе территориальными массивами пробужденной в революции страны.

Другой, не менее трагический конфликт существовал внутри самого Октября; условно и схематически его можно характеризовать как конфликт между пролетарской идеологией и живой социологией революции. Сделав после Кронштадта уступки мелкобуржуазной стране, власть с тем большим упорством цеплялась за идеологию диктатуры пролетариата. Реальному пролетариату от этой идеологии было вовсе несладко: баюкая «гегемона» словами, власть крепко пеленала его, сковывая все его движения, парализуя его классовое творчество. История удушения социалдемократии и все

перепитии борьбы официального руководства компартии с многоликкой и постоянно возрождающейся коммунистической оппозицией иллюстрируют конфликт революционной власти с пролетариатом.

К концу нэпа социально-политическая конъюнктура рисовалась приблизительно в следующем виде: экономически крепнувшее крестьянство не удовлетворялось больше половинчатостью нэпа, рабочий класс не довольствовался титулом «гегемона», социальная революция на Западе уступила место временной консолидации капитализма. В этих условиях диктатура после ряда зигзагов увидела себя вынужденной ослабить свои связи с обоими классами, обеспечившими победу революции, — с крестьянством и пролетариатом, прервать «передышку», объявить «генеральную линию», сделав проводником этой линии тот социальный слой, который всегда развивается в обществе, где ни один из основных классов не обладает достаточной силой, чтобы удерживать власть в своих руках. Компартия сделала ставку на коммунистическую бюрократию.

Трещина между революционной властью и основными классами революции маскировалась тем, что коммунистическая бюрократия, как и сама власть, вышла в значительной своей части из рядов пролетариата и крестьянства. Иной поверхностный наблюдатель мог даже на первых порах оспаривать наличность разрыва. В самом деле, разве в процессе роста самосознания и подема общественного класса не закономерно и не прогрессивно выделение из его рядов отдельных представителей? Какая же опасность может угрожать рабочей или крестьянской семье оттого, что один из ее членов, подучившись в школе или в вузе, перестанет работать на заводе или пахать землю и прочно обоснуется в административном аппарате? Это обстоятельство отнюдь не может разрушить его физическую и психологическую связь с отчим классом. Рассуждение это страдает только одним недостатком: оно исходит из представления о классе, как о какой-то замкнутой идеальной средневековой корпорации, неизменной в своей самостности. Между тем, «отдельные люди образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоего другого класса; в остальном они сами противостоят друг другу враждебно, как конкуренты» (Маркс и Энгельс «Немецкая идеология»). Вот почему, антагонизм между отцом, работающим на заводе, и собственным сыном, сидящим в управлении завода, не только возможен, но и закономерен.

Отчуждение власти от пролетариата не замедлило выявиться в области идеологии в двух капитальных фактах: в теории «построения социализма в одной стране» и в теории «бесклассового общества». Теория о возможности построения социализма в одной стране, продиктованная логикой автаркического хозяйства, знаменовала собой окончание процесса самозамыкания революции в границах национального государства и одновременно означала отказ от ориентации внешней политики Советского Союза на западно-европейскую революцию.

Теория о построении бесклассового общества, увенчавшая собой идеологическое здание первой пятилетки, прошла ряд предварительных стадий. Генеральная линия на публицистическом фронте открылась атакой на меньшевистствующих «вульгаризаторов марксизма», увидевших в марксизме только жалкий и бесплодный «детерминизм» и совершенно будто бы проглядевших его душу — активную волю к радикальному преобразованию общества. Тема об интеллигенте, «на-половину», «на три четверти», «на девять-десятых» успешно преодолевая свою «классовую ограниченность» и включающаяся в «нашу социалистическую действитель-

ность», неслучайно становится основной темой художественной литературы первой пятилетки. В начале ее перестраивавшийся интеллигент должен был хотя бы на время стать пролетарием. По мере успехов строительства пролетарская биография перестает быть обязательной, на сцену выходит «советский человек», преданный делу «социалистической родины». Вот тогда-то приблизительно и было возведено о победе «бесклассового общества», выразителями которого стали «советские люди», которым вскоре пришли на смену «непартийные большевики».

В выработке идеологии нового господствующего слоя активную роль попрежнему играют официальные руководители компартии. Но это обстоятельство ни в какой мере не может заслонить от нас скрытой с у ф л е р ской роли советской бюрократии в выработке этой идеологии. Ибо политический смысл всей этой идеологии заключался в обосновании примата надклассовости в механике советской власти, нужного не пролетариату или крестьянству, а только «надклассовой» бюрократии.

Начало второй пятилетки как будто благоприятствовало дальнейшему укреплению и консолидации привилегированного слоя. Власть отказывалась от чрезмерности темпов строительства, шла на некоторые уступки в отношении колхозного крестьянства (присадебные земли). Одно время казалось, что процесс кристаллизации нового общества будет протекать в относительно спокойных формах.

Выстрел Николаева, этот акт отчаяния одиночки, прогремевший с далекой окраины коммунистической партии, блеснул зарницей конфликтов, притаившихся в стране. Этот выстрел был одновременно расстрелом мирных иллюзий, распространившихся было довольно широко в кругах советского общества. «Бесклассовое общество» оказывалось историческим выкидышем советской бюрократии, ее первым серьезным поражением, вызванным недооценкой степени незамирности крестьянства и глухого недовольства рабочих масс. Руководители официальной политики и общественности, кое-как ликвидировав следы своего замешательства от убийства Кирова, бросились врассыпную на новую разведывательную работу в области идеологии.

Тоталитарный режим не может существовать без тоталитарной идеологии. Тоталитарно господствующий слой не может отказаться от стремления изображать защиту своих интересов, как защиту «общих интересов» всего государства, ибо иначе он теряет свое право на господство. Социализм был и может быть тоталитарной идеологией режима до тех пор, пока противоречия между господствующим слоем и остальной массой трудящихся не достигли известной степени напряжения, которое может завершиться взрывом. На определенной стадии развития, когда противоречия обостряются, имманентные социализму взрывчатые и революционные идеи начинают сами искать своего выхода. Именно этого больше всего и боится советская бюрократия.

Вот почему уже с середины 1934 года начинается медленное, осторожное, но радикальное идеологическое перевооружение диктатуры. Убийство Кирова только ускорило этот процесс. Выработка новой тоталитарной идеологии еще не закончена, тем не менее основные линии ее видны невооруженному глазу. Большую роль в новой идеологии играют реквизиты исторического прошлого: народ, народность, родина, нация, патриотизм.

Самой характерной чертой новой формирующейся идеологии — помимо ее прежней претензии на универ-

сальность и тоталитарность — является оттеснение в ней элементов социализма. Это не значит, что социалистическая фразеология уже исчезла или исчезает. Отнюдь нет. Социалистический элемент, конечно, присутствует еще в большинстве лозунгов, но он уже не несет прежней идеологической нагрузки, социалистический элемент перестал в новых лозунгах играть прежнюю динамическую роль. На маленьком, но характерном примере, яснее можно увидеть эти подспудные сдвиги. Сперва о СССР принято было говорить, как о «стране пролетарской диктатуры», потом он превратился в «родину социализма» и «родину трудящихся всего мира». В период построения «социализма в одной стране» об СССР официально говорилось, как о «социалистическом отечестве». К концу первой пятилетки возникла более интимная «социалистическая родина», она же «советская родина», сегодня о ней сплошь и рядом говорится просто «наша родина». И в восприятии современников «наша родина» звучит теплее и жизнерадостнее, менее официально и казенно, чем «социалистическая родина». Сперва было только перенесено ударение, потом социалистический элемент превратился в определение, в привычный эпитет, без которого по существу можно уже обойтись, ибо активная жизнь сосредоточена в подлежащем.

Второй особенностью новой идеологии является апелляция к чувству в противоположность к прежней апелляции к сознанию и сознательности (былое — «над собой держи контроль!»). «Моральный комплекс», который впервые, но безуспешно пытался сформулировать три года назад писатель Олеша в «Строгом юноше», сейчас уже обрисовывается довольно рельефно. Основные чувства, которые мобилизует новая идеология, это чувства порядка, семьи и родины. Всем им общей является консервативная тенденция.

И, наконец, последней чертой нового официально-мироощущения является прежняя бесперемонная настойчивость, даже агрессивность, с которой оно внедряется в сознание советского общества. Как это ни парадоксально, но только в этой агрессивности живет еще якобинский колорит Октября: «счастливая и зажиточная жизнь» пропагандируется так же неистово, как большой лозунг Октября — «не трудящийся, да не ест». В этой якобинской агрессивности проявляется жизнеспособность и кипучая энергия господствующего слоя, его упрямая воля в завершительный период революции стать безраздельным «использователем революции». Этой воле и этому натиску будет ли противопоставлена неумирающая социалистическая и демократическая страсть всех трудящихся великой страны революции? В этом — решение судеб русской революции...

П. ГАРВИ.

„Они не пройдут!“

Этот клич стал боевым лозунгом республиканской Испании с первых же дней гражданской войны, развязанной мятежными генералами. Революционная импровизация народного сопротивления была направлена против объединенных сил испанской контрреволюции. «Они» — это были фалангисты и клерикал-фашисты, разномастные монархисты и профессионалы военных pronунциаменто, совместно предпринявшие отчаянную попытку сокрушить вышедший из революции 1931 г. и подтвержденный всеобщим народным голосованием 16 февраля 1936 г. демократический строй и тем спа-

сти экономические привилегии имущих классов, затронутые широкими социальными реформами, поколебленное «духовное» господство церкви и сословно-кастовые интересы армии.

Но вскоре обнаружилось, что «они» — это не только объединенные силы национальной испанской контрреволюции, но и силы международного фашизма. Муссолиниевская Италия и гитлеровская Германия от «моральной» и финансовой поддержки мятежной испанской военщины скоро перешли к активной военной поддержке ген. Франко на всех фронтах гражданской войны. Тем самым боевой клич испанского Народного Фронта приобрел новый, не только национальный, но и международный смысл. «Они» — это уже не только мятежники, но и интервенты. Чтобы они не прошли, для этого необходимо не только сокрушить взбунтовавшуюся испанскую военщину, но и разбить и изгнать из страны вторгнувшиеся в нее армии Муссолини и Гитлера — или добиться их увода.

Вот почему недавнее поражение регулярных итальянских войск под Мадридом есть не просто эпизод гражданской войны, но и факт огромного международного значения. Сражение на Гвадалахарском фронте нанесло удар, первый военный удар, международному фашизму. Если политическое наступление фашизма в Европе было задержано французским Народным Фронтом (победа Ван-Зее-ланда над Дегреллем продолжила теперь на север эту антифашистскую «линию Мажино»), то первая попытка военного наступления фашизма разбилась на гвадалахарском фронте о героическое сопротивление импровизированной армии испанского Народного Фронта.

Гвадалахарская победа далеко еще не решила исхода войны в Испании. Но она знаменует собою перелом в пользу республиканской Испании, перелом не только военно-стратегический, но и политико-психологический, притом как внутри страны, так и вовне. Гвадалахарская победа, по правильному замечанию брюссельского «Пэпль», разрушила «миф о непобедимости диктатуры». Фашистские войска биты в открытом бою — эта весть разнеслась по всему миру. Она проникнет «сквозь мрачные затворы» в застенки Италии и Германии. Она придаст бодрости борцам антифашистского подполья. Она нарушит оцепенение, сковывающее народные массы в странах тоталитарной фашистской диктатуры.

Взятие Мадрида итальянскими войсками было заранее приурочено к театральному обряду фашистским диктатором колониальных владений воскрешаемой им «Римской Империи». Защитники Мадрида испортили Муссолини триумф. Престижу диктатора, а с ним и престижу итальянского фашизма нанесен жестокий удар — его почувствовали и в Берлине.

В мировой печати усиленно обсуждаются военно-технические и стратегические уроки гвадалахарского сражения, в котором экспериментальной проверке в реальной боевой обстановке подвергнуты были новые виды оружия, как и новые стратегические и тактические «идеи». Генеральные штабы и военные академии всех стран учитывают опытно-показательное значение «пробной войны» в Испании. Не будучи военспецами, мы не можем судить о превосходстве одних танков, бомбовозов и зенитных орудий над другими. Но одно бесспорно: в гвадалахарском сражении победила не столько высшая техника, сколько высшая мораль. Казенный, барабанно-казарменный «воинский дух» итальянских и германских псевдо-волонтеров, сражающихся на чужой земле за чужое и явно несправедливое дело, не может идти в сравнение с героизмом испанской народной армии, защищающей свою родину и свою революцию, как и с жертвенным мужеством «интернациональ-

ной бригады», составленной из настоящих волонтеров, сражающихся за дело мира, свободы, демократии и социализма.

Инициатива военных действий до самого последнего времени принадлежала националистам. После отражения народной армией лобовой атаки итальянских интервентов на Мадрид инициатива переходит к республиканцам. Революционные армии от обороны переходят в наступление.

Необходимость ослабить нажим фашистских армий на Мадрид заставила республиканцев «оживить» и другие фронты. В свою очередь мятежники, чтобы парализовать начавшиеся наступательные действия республиканцев на мадридском фронте, усиливают в ряде мест свои контр-атаки, из которых особенно серьезное значение приобрели операции против Бильбао на северном фронте.

Попытка Франко блокировать с моря столицу автономной республики басков вызвала бурные прения в английской палате общин, где Рабочая Партия обрушилась на уклончивую политику консервативного правительства, с одной стороны подтвердившего непризнание ген. Франко воюющей стороной и изъяснившего свою готовность всемерно отстаивать свободу своей морской торговли, а с другой, «посоветовавшего» английским кораблям, направляющимся с продовольственными, военными грузами в республиканские порты Испании, «воздерживаться» от захода в эти порты.

Наметившийся перелом в развитии военных действий на разных фронтах гражданской войны ускорил процесс брожения и разложение в лагере «националистов». Все больше сгущаются сведения и слухи о взаимной борьбе клик и «вождей», о военных заговорах в тылу (в Тетуане — Марокко), о трениях между испанскими националистами и интервентами, о партизанской войне крестьян в глубоком тылу, о предстоящей замене ген. Франко генералом Мола. Во всяком случае, в скорую и полную победу националистов перестают верить даже их союзники.

По крайней мере этим объясняет мировая печать то обстоятельство, что германские воинские части не торопятся следовать примеру итальянских войск, предпочитая до выяснения обстановки играть роль не авангарда, а тылового резерва. Возможно, что тут сказывается полюбившееся распределение ролей между Италией и Германией в соответствии с разделом «сфер влияния» в Европе. Но не менее возможно, что итальянская неудача заставила призадуматься Гитлера, готовящегося к большому войну и потому не желающего рисковать военным престижем своей новой армии в богатой сюрпризами «малой войне» за далекими Пиренеями.

Но перелом в ходе военных действий в Испании оказал отрезвляющее влияние и на те политические круги в Англии и Франции, которые до последнего времени считали победу националистов предопределенной и в соответствии с этим прогнозом, совпадавшим кстати с их классовыми «симпатиями», всемерно старались не мешать превращению политики невмешательства в лицемерное прикрытие для фактической интервенции двух ведущих фашистских стран в пользу Франко.

С 20 апреля система контроля, на суше и на море, выработанная лондонским комитетом о невмешательстве, формально вошла, наконец, в силу. Этот шаг мог бы приобрести серьезное значение. Как ни ограничивает контроль законные права законного республиканского правительства Испании, последнее вынуждено подчиниться этому умалению своего суверенитета и своего права на приобретение оружия для

подавления военного мятежа против конституционного порядка. Но с полным правом испанское правительство в известной ноте английскому правительству от 26 марта возвестило о своей неуклонной решимости защищать свой флаг и свою суверенность и одновременно заявило решительный протест против того вопиющего факта, что контроль на Средиземном море поручен... военным флотам Италии и Германии!

Высадка в Кадиксе нового итальянского отряда в 10.000 человек перед самым введением в действие лондонского соглашения служит лишним доказательством иллюзорности и фиктивности контроля, порученного интервентам. Припертый к стене «вопросом» Рабочей Партии, председатель английского правительства признал в палате общин эту новую акцию итальянского фашизма неправомерной, ...если точно имела место! Муссолини может не тревожиться: английское правительство едва ли станет торопиться с «установлением факта», а Франция вынуждена терпеть безграничное терпение своего союзника в явное нарушение принципа коллективной безопасности. Лишь дальнейшие успехи республиканских армий и лишь организованное давление международного пролетариата могут превратить политику невмешательства из фикции в реальность, во всяком случае, устранить ее односторонний характер.

С такой же убийственной — до преступности — медленностью подвигается вперед и разрешение вопроса о волонтерах. Выступление Гранди в лондонском комитете с заявлением, что «ни один итальянский доброволец (?) не покинет испанской территории до окончания гражданской войны в Испании, до полной и окончательной победы ген. Франко», произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Но в сущности это заявление Гранди явилось логическим выводом из известного «тезиса» Муссолини о том, что фашистская Италия не допустит, чтобы по соседству с ней, в Испании, утвердился «коммунистический» режим.

Это «идеологическое» обоснование фашистской интервенции, рассчитанное на эксплуатацию социальных страхов и антикоммунистических настроений в буржуазных классах демократических стран, плохо однако прикрывало империалистические вожделения и планы фашистской Италии, мечтающей о возрождении Великой Римской Империи на берегах Средиземного моря.

Ни лондонский, ни тем паче парижский кабинеты не могли остаться равнодушными к явному намерению Италии, по сговору с бургосскими мятежниками, стать твердой ногой в Испании и отсюда угрожать линиям сообщений Англии и Франции в Средиземном море. На этот раз национально-имперские интересы английской буржуазии перевесили ее социальное отталкивание от революционной Испании. Под давлением общественного мнения, в частности под давлением трэд-юнионов и Рабочей Партии, английское правительство, совместно с французским, проявило несколько больше твердости — и этого оказалось достаточно, чтобы в заседании 15 апреля, представитель Италии заявил в подкомиссии о волонтерах о готовности возобновить обсуждение вопроса об отозвании добровольцев из Испании. В ответ на этот вынужденный «отбой» представитель СССР Майский заявил, что он не настаивает больше на обсуждении сделанных им 24 марта после выступления Гранди предложений о производстве расследования по существу обвинений, содержащихся в ноте испанского правительства от 13 марта, и о немедленной отправке в Испанию следственной комиссии для расследования на месте фактов высадки в Испании и активного участия в военных операциях регулярных частей итальянской армии под видом «добровольцев».

Возобновление работ лондонского комитета по вопро-

су о добровольцах, разумеется, далеко еще не означает скорого и действительного прекращения фашистских десантов. Проектируется репатриация всех лиц не испанской национальности, а также тех, кто не принадлежал к этой национальности 18 июля 1936 года, т. е., в день выступления ген. Франко. На одну доску ставятся, таким образом, отозвание регулярных воинских частей фашистских государств и репатриация действительных добровольцев, из идейных побуждений, свободно и в индивидуальном порядке поспешивших на помощь испанскому народу, «за горло схваченному, влекомому в водоворот» мятежными генералами. Испанское правительство согласно, скрепя сердце, отказаться от братской помощи волонтеров, но при условии, что этой ценой можно будет добиться действительного удаления с фронтов и вообще с территории Испании итальянских и германских войск. Однако упорные слухи о подготовке на Балеарских островах итальянского экспедиционного корпуса в 80.000 человек для высадки в Испании с целью нанесения сокрушительного, решающего удара республиканским войскам свидетельствует о том, что Италия продолжает вести свою азартную игру, рассчитывая затянуть лондонские переговоры о репатриации добровольцев до получения реванша за свое гвадалахарское поражение и до обеспечения победы испанских националистов.

Дальнейшие оборонительные и наступательные успехи республиканских армий, поддержанные широкой мобилизацией мирового общественного мнения в пользу республиканской Испании и ее поправленных прав, как суверенного государства и как члена Лиги Наций, единственно могут сорвать военную опасную игру Муссолини и Гитлера. Вот почему следует отвергнуть посреднические планы, подобные тому что развитому Черчилем в палате общин. В создавшейся обстановке эти планы явно рассчитаны не столько на действительное прекращение ужасов гражданской войны и интервенции, сколько на внесение замешательства и колебаний в ряды республиканских армий как раз в тот момент, когда начавшийся перелом в развитии военных действий обещает им победоносное подавление фашистского мятежа.

Предложение Черчила сводится к формуле: ни Валенция, ни Бургос. Валенция отказывается от коммунистической диктатуры, Бургос — от фашистской диктатуры. Эта формула только на первый взгляд кажется построенной на принципе отсеечения «крайностей» и на почве демократического равенства. На деле наш честный маклер свой план строит на маленькой переделке. Верно, что Бургос стоит на почве диктатуры, белой диктатуры. Но совершенно неверно, что и Валенция стоит на почве диктатуры, красной диктатуры. Затягивание гражданской войны и интервенции может в будущем ввергнуть рабочие массы Испании в отчаяние и толкнуть их на путь диктаторских экспериментов в духе большевистского Октября. Ответственность за это падет тогда на тех, кто прямо или косвенно помогает мятежникам. Но с самого начала и до последней минуты политической основой республиканского сопротивления и общей платформой испанского Народного Фронта, организовавшего и направляющего это сопротивление, является последовательная демократия.

Ответственные представители республиканского правительства, Ларго Кабальеро и Дель Вайо, в своих заявлениях от 13 и 17 марта еще раз энергично протестовали против распускаемых фашистами ложных сведений о «советизации Испании». В начале апреля в испанской печати было опубликовано совместное обращение мадридских областных комитетов коммунистической и социалистической партий, в котором определенно подчеркивается, что «борьба за независимость проходит

под лозунгом защиты демократической парламентской республики нового типа, уже осуществившей некоторые социальные завоевания», и что необходимо «еще больше укреплять народный фронт, победивший на всеобщих выборах 16 февраля 1936 года». Приравнивая демократическое правительство Ларго Кабальеро к диктаторской «хунте» бургосских мятежников, Черчилль подводит явно гнилую основу под свое посредническое предложение, авторство которого кстати приписывается злейшему врагу испанской демократии, лидеру клерикал-фашистов, Хил Роблесу.

**

Борьба за испанскую независимость и за испанскую демократию вступила в новую стадию. Меньше всего места теперь для «головокружения от успехов». Перед нами еще не решающие успехи, а только наметившийся перелом в ходе военных операций. Надо понять причины последних успехов народных армий, чтобы понять, в чем тайна грядущей победы и как ее надо выковырывать.

Медленно, но неуклонно совершался процесс рождения единой народной армии из нестройных и пестрых партийных «колонн» и партизанских отрядов, годных лишь для ведения «гверильи», а не современной маневренной войны. Параллельно совершался политико-психологический процесс рождения нации в огне обороняющейся от собственных «националистов» и от италогерманских интервентов революции. С мучительной медленностью, но с повелевающей необходимостью подвигалось вперед превращение импровизированных органов государственной власти на местах, ревниво блюдущих свою «автономию», в согласованные части централизованного государственного аппарата, старающегося совместить демократические принципы новой государственности с властными требованиями военной обстановки. Все эти перемены создали первые условия для перелома в развитии затянувшейся гражданской войны.

Лишь в меру дальнейшего преодоления неизбежной всякой партизанщины, лишь в меру установления единого военного командования, лишь в меру сосредоточения всего государственного управления в руках ответственного республиканского правительства и лишь в меру изживания областного сепаратизма возможно закрепление достигнутых военных успехов и их дальнейшее развитие. Многие сделано уже в этом направлении, но еще больше остается сделать. Победа не обеспечена, пока национальные и партийные противоречия и раздоры продолжают ослаблять республиканский лагерь.

Правительственный кризис в Каталонии, вновь — который раз! — напомнил об этом слабом месте антифашистского фронта. Каталония все еще не вышла из стадии внутренних раздоров, не преодолела полностью губительного двоевластия, вернее, наличности двух властей — одной номинальной, другой реальной. Национально-сепаратистские тенденции осложняются в этой индустриально весьма развитой провинции борьбой между анархо-синдикалистами и коммунистами, с одной стороны, между коммунистами и троцкистами, с другой. В результате Каталония до сих пор не использовала в должной мере своих огромных ресурсов для победы общего дела. Анархо-синдикалистская Конфедерация Труда, господствующая на «рабочей улице» в Каталонии, долго тормазила образование действительно сильного каталонского правительства не только под влиянием своей анархистской идеологии безначалия и социально-революционного максимализма, но и из опасения диктаторских поползновений коммунистов, переноса на испанскую почву сталинские методы борьбы

с инакомыслящими. Надо надеяться, что новое каталонское правительство, основанное на сотрудничестве анархо-синдикалистской Н. К. Т., социал-коммунистического Всеобщего Союза Рабочих, лево-республиканской партии Каталонии и Союза арендаторов, положит конец раздорам и двоевластию.

В менее острой форме вопрос о централизации демократической власти, повелительно диктуемой всей обстановкой военного времени, ставится и в других частях республиканской Испании. Политика Народного Фронта все еще натывается на множество подводных камней. Как ни ценна военно-техническая и частью организационная помощь Москвы, она не достигнет своей цели, если коммунисты будут ее рассматривать, как основание для претензий на политическое руководство и на гегемонию, — претензий, вызывающих законное недоверие и опасения не у одних только анархо-синдикалистов. В частности, упорное навязывание под диктовку Москвы недопустимых приемов шельмования и остракизма по отношению к испанским «троцкистам», как «агентам Франко», создает местами отравленную атмосферу, разлагающую тыл и фронт.

Они не пройдут, конечно! Но они не пройдут лишь в том случае, если в республиканском лагере удастся скоро преодолеть все эти внутренние трения, если будут избегнуты крайности «самостийного» — без учета экономических возможностей и политической обстановки — форсирования социальной революции, с одной стороны, и военно-диктаторской подмены демократии, с другой; если, наконец, все силы трудящихся будут сосредоточены на задаче усиления фронта и консолидации тыла.

Сила республиканцев в том, что у них есть тыл, что за ними стоит народ, которого нет за мятежными генералами. Этот достаточно еще рыхлый тыл надо крепить широкими и радикальными мероприятиями экономического, социально-политического и правового порядка, что возможно только при тесном взаимодействии ответственной и централизованной демократической власти с организациями трудящихся города и деревни.

«Зрачек мира» остановился на Испании. Весь международный пролетариат считает дело испанской революции своим делом. Международный социализм вместе с профсоюзным амстердамским интернационалом обязался недавно в Лондоне удвоить свои усилия для завоевания мирового общественного мнения на сторону испанской демократии и для всесторонней помощи испанской революции. Это удастся ему тем легче, чем скорее в самой Испании будут изжиты внутренние трения в республиканском лагере и чем теснее все антифашистские партии и организации на деле, в действии, сплотятся под лозунгом: они не пройдут!

ЗАГРАНИЦЕЙ

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

19 апреля в прекрасном помещении мэрии парижского предместья Пюто состоялась сессия Национального Совета Французской Социалистической Партии. Основной задачей сессии было обсуждение вопросов партийной дисциплины, а постановка этих вопросов в порядок дня была вызвана образом действий группы так наз. «Революционной Лево́й», возглавляемой Марсо Пивером.

Французская партия, как впрочем и всякая демократически организованная социалистическая партия, признает правомерность существования в рамках партии «течений», свободных группировок тесных единомышленников. Она представляет этим «течениям» возможность созывать свои дискуссионные и информационные собрания и издавать свои ор-

ганы. Но она идет и дальше. Она не только отводит всем «течениям», в порядке очереди, место в «Свободной Трибуне» центрального органа партии «Полюэр», но кладет их в основу организационного строения партии: представительство на съездах, конференциях и т. п., все руководящие местные и центральные органы ее составляются по принципу представительства «течений» — пропорционально количеству голосов, поданных за различные проекты резолюций по основному для данного момента вопросу.

Но группа «Революционной Лево́й» не удовлетворялась этой широкой внутривластной свободой борьбы за свои мнения и взгляды, предоставляемой всем вмещающимся в общие программные рамки партии течениям. По печальной памяти примеру бывших «нео-социалистов» она стала образовывать свою, строго организованную и дисциплинированную «партию внутри партии», рассылать своих агентов по местным организациям, съездам и конференциям молодежи и т. д., вступать в самостоятельные сношения с организациями, стоящими вне партии, вести публичную агитацию против политики партии не только на столбах своего собственного фракционного органа, но и в печати враждебных партии групп и даже в расклеиваемых по улицам афишах и подвергать резким личным нападкам товарищей, делегированных партией в правительство.

Такое поведение «Революционной Лево́й», в состав которой затесалось немало элементов «троцкистского» склада, было уже не раз предметом суждения партийных инстанций, и прошлый Национальный Совет партии (в ноябре 36 г.) дал ей достаточно внушительное предостережение.

Но предостережение это оказалось безрезультатным, и — особенно после трагических событий в Клиши — публичная деятельность «Революционной Лево́й» приняла характер, прямо ставивший под угрозу единство партии: при ее содействии была составлена и расклеена афиша, в которой заявлялось, что пролитая в Клиши кровь рабочих есть плата банкам за поддержку займа, которой просит у них правительство! В самый день заседания Национального Совета у дверей мэрии в Пуато раздавалась изданная группой молодежи брошюра, в которой правительству предъявлялись однородные обвинения и которая содержала самые грубые нападки на Блюма и особенно на министра внутренних дел Дормуа. И предисловие к этой брошюре с рекомендацией ее дал Марсо Пивер.

Надо сознаться, что лидер «Революционной Лево́й», Марсо Пивер, на Национальном Совете весьма слабо защищал ее политические и организационные позиции. Многие ораторы, и особенно настойчиво сам Блюм, указывали Пиверу, что общеполитические требования, предъявляемые правительству Народного Фронта «Революционной Лево́й», фактически невыполнимы для этого правительства, как по его легальному (а не революционному) происхождению и соответствующим условиям работы, так и по его составу (коалиция с радикалами и коммунистами, которые, как известно, — в противоположность Марсо Пиверу — настаивают на том, что для Народного Фронта отнюдь не «все возможно»). Принимая в свое время единогласно (с участием «Революционной Лево́й») решение о вступлении в правительство Народного Фронта и даже о возглавлении его, партия отдавала себе вполне ясный отчет о сравнительно ограниченных возможностях такого правительства, вынужденного действовать в рамках капиталистического строя и республиканской законности. Если «Революционная Левая» думает теперь, что настала пора прорвать эти рамки, или вообще считает прежнее решение ошибкой, то логическим выводом из ее политической позиции является во всяком случае требование ликвидации правительства Народного Фронта в том виде, в каком оно сейчас существует и в каком, в наличных условиях, оно только и может существовать. Но сделать этот вывод из своих собственных политических предпосылок и открыто поставить перед партией вопрос о пересмотре или ликвидации принятого 10 месяцев тому назад решения, к чему

его настойчиво приглашали оппоненты, Марсо Пивер отказался, заявив себя попрежнему сторонником Народного Фронта и его правительства.

Что касается организационной стороны вопроса, то, не отрицая приведенных фактов, Марсо Пивер пытался объяснить их то недостаточной точной разработанностью вопроса о пределах предоставляемых «течениям» прав, то личной инициативой отдельных товарищей, за которую группа «Революционной Лево́й» нести ответственности не может, то, наконец, недоразумением; так он заявил, что неправильно был истолкован смысл его предисловия к упомянутой выше брошюре: он дал это предисловие, не читая самой брошюры, а лишь желая сказать, что советует всем членам партии в подлиннике ознакомиться с мнениями известных групп революционно настроенной молодежи, отнюдь не беря на себя ответственности за самые эти мнения...

Избранная Советом комиссия единогласно, при воздержании вошедшего в комиссию Марсо Пивера, приняла следующую резолюцию:

«Н. С. констатирует, что товарищи, делегированные партией в правительство Народного Фронта, всегда и неуклонно соблюдали социалистическую дисциплину, выполняя порученный им их партией мандат с мужеством и добросовестностью, заслужившими им восторженное доверие рабочего класса, равно как и всей партии в целом; и

«хочет подчеркнуть свою привязанность и свое непрерывно возрастающее доверие к товарищам Марксу Дормуа и Леону Блюму, которых противники партии избирают в последнее время специально мишенью своих нападков.

«Н. С. считает нужным еще раз напомнить всем товарищам:

«что ни с какой точки зрения недопустимо существование внутри партии организаций, выступающих вопреки публичными нападениями на действия этих товарищей в правительстве, куда они посланы;

«что такие действия представляют собою недопустимое нарушение дисциплины.

«Н. С. решает поэтому, что такого рода организации терпимы быть не могут, и

«постановляет распустить «Революционную Лево́й», «расчитывая, что товарищи, принимавшие в ней участие, будут сообразоваться с указанными правилами дисциплины и с настоящим решением.

«В противном случае ближайшему съезду или Национальному Совету будет предложено принять необходимые карательные меры и исключения из партии».

После оглашения резолюции Марсо Пивер сделал, со своей стороны, следующее заявление:

«Мы констатируем, что партия не ставит под сомнение нашу полную свободу оценок и выражения мнений внутри партии. В виду этого мы подчиняемся решениям Национального Совета и берем на себя публичное обязательство соблюдать их».

Таким образом удалось избежать тех исключений из партии, вопрос о которых стоял в начале работы Совета. Надо надеяться, что группа «Революционной Лево́й» последует в полном составе за своим вождем и будет добросовестно выполнять взятые им от ее имени обязательства, обеспечив тем самым сохранение действительного единства партии. И надо надеяться, что законный резкий отпор, данный тем методам критики, которые начала все настойчивее практиковать за последнее время «Революционная Левая», не убьет того подлинно — партийного критического духа, который, как на то особенно определенно указывал сам Блюм, одинаково жизненно — необходим и самой партии, и товарищам, делегированным ею в состав правительства.

Поставленная на голосование Совета, резолюция была принята 4.620 мандатами против 25 при 583 воздержавшихся и 156 отсутствовавших (заседание закончилось в 3 часа утра).

Правительство Народного Фронта есть правительство коалиционное. Его политическая линия не может поэтому быть ничем иным, как компромиссом, достигаемого в результате борьбы тенденций, представленных в его составе так же, как они представлены в Народном Фронте вообще. Было бы величайшим ущербом для всей политической и пропагандистской работы социалистической партии, если бы она безоговорочно принимала необходимый компромисс, как выражение своей собственной политической линии. Было бы величайшим ущербом для всей политики правительства Народного Фронта, если бы самая равнодействующая компромисса односторонне сдвигалась вследствие того, что в его выработке фактически не принимала бы участия, как самостоятельный контрагент и как носительница самостоятельных, особых тенденций, социалистическая партия. И ничто не могло бы так ослабить позиций социалистических делегатов в правительстве перед лицом их инопартийных контрагентов, как отсутствие подлинной и свободной социалистической критики достигаемого и необходимого компромисса.

Не удивительно, что именно Леон Блюм уже не раз подчеркивал и на Национальном Совете еще раз подчеркнул желательность и необходимость партийной критики правительственной работы. Правда, он прибавил, что критика должна быть «дружественной», и это выражение может дать повод вспомнить о том запрещении «враждебной» критики, которое как раз теперь так настойчиво сочетается с сталинской «демократией».

Не надо быть слепым, чтобы за тождеством названий проглядеть не то что различие, а глубочайшую противоположность понятий. В представлении Блюма, как впрочем и всякого социалиста-демократа, «дружественность» не замыкает в недоступный для критики заповедник ни правительства, ни ЦК партии, ни любого из товарищей, как бы «высоко» он ни был поставлен. Наоборот, именно к критике правительства и центральных учреждений партии Блюм и призывает. «Дружественность» не ограждает от критики непреходимым барьером самые основы партийной и правительственной политики. Наоборот, именно эти основы и ставятся под критический огонь. «Дружественность» критики состоит лишь в том, что она не ставит под сомнение субъективные намерения критикуемых товарищей, что она, наоборот, исходит из того, что эти товарищи стремятся к тем же социалистическим целям, что и сами критики. Обращаясь на правительство, возглавляемое социалистами, она критикует обстоятельства, в которых приходится этому правительству действовать и которые обуславливают неудовлетворительность его политики с социалистической точки зрения (а в числе этих обстоятельств одним из самых важных являются партнеры социалистов в правительстве!), критикует ошибки в оценке-ли положения, в выборе-ли средств, но никогда, ни на минуту не заподозривает товарищей по партии (и в этом тоже ее принципиальное отличие от большевистских методов «критики»!) в злой воле, в сознательном «предательстве» интересов рабочего класса и социализма. Только и всего! И если бы надо было еще доказывать, что в эти «дружественные» рамки, только и делающие возможной общую работу различных «течений» в пределах одной партии, легко укладывается самая ясная, последовательная и принципиальная критика политики правительства, возглавляемого социалистами, то наглядный пример тому дает (и дал на заседании Совета) тов. Жиромский, как известно, весьма критически относящийся ко многим сторонам деятельности правительства Народного Фронта и, особенно, к испанской политике его и не только не скрывающий своих критических взглядов, но упорно и настойчиво борющийся за их торжество в политике и партии, и правительства.

Кроме вопроса о «Революционной Левой» Н. С. разобрал в порядке партийной дисциплины и вопрос об исключении 22 членов из организации молодежи. Н. С. утвердил это исключение, постановив, что те 21 исключенных, которые состоят одновременно членами партии, устраниваются и из ее рядов.

Пришлось коснуться Совету и вопроса об объединении с коммунистами. Над выработкой условий и методов восстановления единства политической организации пролетариата работает Комиссия по объединению, составленная из представителей обеих партий. Не довольствуясь этим, коммунисты пытаются перенести обсуждение этого вопроса в низовые организации. Н. С. отрицательно отнесся к такому способу подготовки единства, усмотрев в нем элементы дезорганизации, и принял по этому поводу следующее постановление:

«Н. С. напоминает, что только комиссии по объединению, созданной по инициативе нашей партии решениями Мюльгаузского, Булонского и Хьюгенского съездов, принадлежит право, по соглашению социалистической и коммунистической делегаций, выработать проекты Хартии Единства и устава будущей единой партии, подвергнув затем эти проекты обсуждению обеих партий.

Поэтому он напоминает также федерациям и секциям партии, что они должны отклонять всякие предложения по устройству совместных заседаний социалистических секций и коммунистических ячеек или социалистических федераций и коммунистических районов для обсуждения вопросов единства».

Ф. Д.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» В БЕЛЬГИИ.

В январе-феврале Бельгийскую Рабочую Партию «лихорадило». Началось с сенсационного выхода Вандервельде из коалиционного правительства «национального обновления», о чем «С. В.» в свое время уже говорил. Выход этот вряд ли поведет в более или менее близком будущем к министерскому кризису, тем более, что и сам Вандервельде придал ему характер акта, скорее личного, чем политического, и заявил, что коалиция должна продолжаться.

Но обсуждение расхождений, наметившихся между министрами-социалистами вывело на свет божий новую «теорию» — «национального социализма», заставило антагонистов Вандервельде подвести «теоретический» фундамент под практику, на деле давно уже проводимую ими в правительстве.

Но, чтобы понять смысл и значение этой теории, нужно, прежде всего, остановиться на условиях ее зарождения. «Национальный социализм» мог появиться лишь в результате «ван-зееландской» коалиции, по своему характеру весьма отличной от всех предыдущих. Прежние коалиции носили характер политического сговора на короткий период и для решения точно определенных задач. Наоборот, «Ван-Зееландская» коалиция носит скорее экономический, можно сказать реконструктивный характер и, по самому существу и сложности стоящих перед нею задач, ограничена во времени быть не может: она должна ведь не только преодолеть нынешний кризис, но перестройкой хозяйства застраховать его от возможных будущих кризисов. Конечно, и преодоление кризиса, и реконструкция хозяйства ведутся по классическим образцам капиталистической системы, с возложением всех «расходов» по кризису и реконструкции на трудящихся. Если по началу и можно было говорить о бельгийском «фрустрелизме», то теперь об этом не может быть и речи, ибо «ван-зееландизму» почти совершенно чужд социальный привкус первого. Но объем и характер проблем, стоящих перед правительством, создают известную атмосферу, отличную от «климата» прежних коалиций, которую можно назвать «технократической».

В такой обстановке и зародилось стремление обеспечить начатую реконструктивную работу от всяких политических потрясений и кризисов, создать длительное и устойчивое политическое равновесие под флагом «общего, всенародного блага». Такая, с одной стороны, национально-ограниченная, а, с другой, социально-близорукая концепция могла зародиться у социалистических министров и охватить широкие круги политических и профессиональных работников в описанной обстановке тем легче, что она коренилась в традициях бельгийского реформизма, и что «Рабочий План» обновил и усилил его уклон к конструктивизму. В интересах буржуазной части коалиции было естественно, используя это психологическое предрасположение, обезвредить его в то же время от социалистического «яда». Ей навстречу и пошел «национальный» социализм.

Политическая формула, к которой стремится «просвещенная» буржуазная, а вместе с нею и «национальный» социализм, состоит в создании прочной и длительной правительственной формации, которая обеспечила бы существование коалиции, предохранив ее от случайностей политической борьбы временно коалировавшихся партий. В свое время был да-

же пушен пробный шар — в виде идеи образования централизованной «партии», объединяющей выходцев из всех коалировавшихся партий на программе и идеях, соответствующих правительственной программе и взглядам Ван-Зеееланда. Но враждебность, с какою была встречена эта идея, скоро охладила пыл ее инициаторов. Стало ясно, что даже выдающиеся лица, которых удалось бы оторвать от существующих партий, не приведут за собою масс, и что в то же время маневры в этом направлении способны вызвать тревогу в объединившихся ныне партиях и скорее взорвать, чем упрочить существующую правительственную комбинацию.

Пришлось ограничиться суррогатом: не разрушать существующих крепких партийных организаций, а стараться исподволь «обволакивать» их и толкать на эволюцию, которая, если не формально, то по существу приведет к искомой политической кристаллизации. Газета «Энделандс Бэлж», являющаяся как бы официозом Ван-Зеееланда, стала в то же время официозом и «национального социализма». Чуть не с первых номеров она стала расхваливать Спаака и Де-Мана, противопоставляя их, как людей, способных понимать идеи и требования новой эпохи, неисправимым утопистам и доктринерам Вандервельде и Де-Брукэру, печатала их «теоретические» декларации и благожелательные «национальному социализму» заявления католиков, либералов, христианских демократов и даже коммунистических ренегатов, поддерживала их во время партийной дискуссии.

В дебатах Генерального Совета Партии, вызванных самодержавием «национального» социализма, его «теория» играла сравнительно слабую роль: «новаторы» не особенно настаивали на ней, но и их противники, повидимому, не хотели — из тактических соображений — дать бой по всей линии. Не подверглась дискуссии и основная линия партии: сотрудничество партии в правительстве Ван-Зеееланда и общая поддержка этого правительства не подвергались сомнению. Партия единодушна в мнении, что нынешняя коалиция — единственное действительное средство для преграждения дороги фашизму («рексизму») и что, при общем улучшении экономического положения страны, участие в правительстве является наилучшим способом повысить долю рабочего класса в этом улучшении. Даже Де-Брукэр, напомнив, что он с самого начала был противником коалиции, заявил, что раз начатый опыт должен быть доведен до конца: «Я противник «Рабочего Плана», — сказал он. — Де-Ман это знает и знает почему. Но я признаю, что в известной степени восстановилось благосостояние страны и что нужно осуществить глубокие реформы и обеспечить рабочему классу участие в экономическом возрождении. Надо обеспечить пролетариату его долю, а буржуазия защищает свои прибыли наиболее свирепо как раз тогда, когда экономическая ситуация улучшается».

Таким образом линия расхождения шла не по вопросу о самом сотрудничестве, а лишь о том, в каком духе это сотрудничество продолжать. Дискуссия уперлась не в теоретические, а в практически-политические расхождения с «национальным социализмом». Какова же та практика, которую он хочет «теоретически» обосновать?

В области **экономической** главными выигравшими оказались банки и промышленники. О структурных реформах пока только говорят. Контроль над банками, по признанию самой банковской комиссии, оказался недостаточным. В области не то что национализации, а хотя бы контроля над монопольной промышленностью — электрической, горючего, удобрительной, равно как и вооружительной, не сделано ровно ничего. Промышленники получают огромные прибыли, но в то же время повышают цены. Дороговизна растет, не встречая достаточного сопротивления со стороны правительства.

Иначе обстоит дело в области **рабочей политики**. Рабочий класс добивается некоторых улучшений лишь ценой непропорциональной затраты усилий. Результаты всеобщей забастовки прошлого года, охватившей до полу-миллиона человек, не могут идти ни в какое сравнение с результатами подобных движений ни во Франции, ни в Америке: «в принципе» было обещано прогрессивное введение 40-часовой рабочей недели, в первую очередь во вредных индустриях; но шахтерам пришлось в январе этого года прибегнуть к новой забастовке, чтобы добиться 45-часовой недели, да и то только для работ под землей. Повышение заработной платы сильно отстает от действительного вздорожания жизни. А безработным, несмотря на значительное сокращение их числа и достигнутое бюджетное равновесие, пособия повышены со времени девальвации лишь на 10%.

Во **внутренней политике** Бельгия становится, выражаясь словами Де-Брукэра, настоящим полицейским государством. Конечно, травимое рекситами, правительство ведет с ними борьбу. Но в то время, как, несмотря на явно бунтарское и провокационное поведение рексистов, им почти все сходит с рук, социалистическим и коммунистическим организациям буквально каждое лыко ставится в строку. Имея 6 министров (из 15) в правительстве, рабочий класс не имеет ощущения, что он причастен к власти. Наоборот, к нему репрессивный и

судебный аппарат особенно строг, и, напр., в Бельгии правительство сумело с успехом помешать применению такого нового метода борьбы, как забастовки с оккупацией. Самое борьбу против рексизма, которая официально ведется под лозунгом: «ни Рекс, ни Москва!», Спаак и его единомышленники все больше превращают на деле в одностороннюю борьбу с коммунизмом, выступая на общих собраниях с самыми подозрительными националистическими и реакционными группировками и аргументируя опасность рексизма тем, что он приведет к коммунизму. Незачем говорить как опасна такая аргументация и как легко может она повернуться против социализма и рабочего класса! Вместе с тем, как очень убедительно доказывал Де-Брукэр на Генеральном Совете, все больше умалывается роль парламента, все заметнее дает себя повсюду чувствовать влияние клерикализма и все чаще на чашу весов бросается то скипетр, то сабля, то кропило... «Фашизм поднимает голову при возрождении благосостояния, чтобы помешать нам взять свою долю. В таких условиях нам необходима сила в стране. Сила эта — рабочий класс. Но где он? В какой мере можем мы рассчитывать на него? Нет-ли у вас беспокойства насчет выборов? Нужна ясность, чтобы вернуть рабочим доверие. Проблему единого фронта мы разрешим лишь тогда, когда вернем рабочему классу доверие к нашей политике».

Не лучше обстоит дело в области **международной политики**. Как раз теперь, когда в Бельгии стоит у власти коалиция, а во Франции правительство Народного Фронта, вбивается клин в традиционную франко-бельгийскую дружбу, и социалистический министр Де-Ман считает возможным заявлять на собраниях биржевиков, что бельгийское правительство, «не в пример некоему другому», не пойдет на осуществление социальных реформ раньше, чем не будет создана для того солидная экономическая база!

Но гораздо важнее та новая международная политика, проводником которой является другой министр-социалист Спаак и о которой в свое время уже писал «С. В.». Ее формула: обеспечить себя от нападения, не беря на себя никаких обязательств по отношению к другим жертвам нападения. Нужно ли говорить о том, насколько такая политика противоположна политике коллективной безопасности и взаимопомощи, столь многократно и торжественно возвышенной и Бельгийской Рабочей Партией, и Интернационалом? Насколько она противоречит уставу Лиги Наций и насколько она политически близорука? О хорошо известном поведении бельгийской дипломатии и администрации в испанском вопросе не стоит и напоминать...

Такова та внутренняя и внешняя политика, покрыть и увенчать которую хочет теория «национального социализма». Пора сказать несколько слов и о ней.

Эту «теорию», поражающую своею скудостью, изложили в двух интервью Спаак и Де-Ман. «Национальный» социализм не отказывается от социалистического идеала, но Спаак считает, что для осуществления его нужны иные методы, чем методы революционного марксизма, в который он когда-то верил: марксизм недооценивает значение духовного фактора. На этом, собственно, философские изыскания Спаака прекращаются, и он переходит к более знакомой ему теме «авторитарной демократии». Во всех классах и партиях он констатирует наличие тенденций, благожелательных, во-первых, к ценностям порядка, авторитета, ответственности, и, во-вторых, к ценностям социальной справедливости. На этой почве он считает возможным глубокое и длительное согласие с католиками, тем более, что, подобно Де-Ману, полагает основными для нашей цивилизации — гуманитарные ценности, завещанные нам христианством. Он тем охотнее принимает наименование «национального социализма», что опыт показал невозможность международного сотрудничества вне национальных факторов. Заслуга «Рабочего Плана» в том и состоит, что он переместил задачи бельгийского социализма в рамки национальной действительности. Конечно, констатируя наличие классовой борьбы, марксизм позволил рабочему классу организоваться и добиться некоторых реформ, но, если социализм хочет продолжать прогрессировать в рамках демократии и легальности, он должен выйти за пределы пролетариата и привлекать к себе и другие социальные слои: необходим теоретический пересмотр понятия классовой борьбы и ее результатов. Социалисты должны отдать себе отчет в том, что, несмотря на поразительную быстроту эволюции капитализма, до социализма еще очень далеко. В переходной — же стадии, в которой мы находимся, часто вскрывается реальная солидарность между различными классами. В этой стадии необходимы конструктивные реформы, не означающие однако ни коллективизации, ни этатизации: автономные органы руководства экономической деятельностью должны состоять из представителей трудящихся, потребителей и общественной власти и уважать и поощрять частную инициативу. Спаак высказывается против единого фронта, так как нынешний режим в СССР правильнее всего было бы называть «пролетарским фашизмом», а, следовательно, бес-

смысленно привлекать коммунистов к защите свобод и демократических учреждений.

Де-Ман считал нужным несколько развить понятие «национального» в своем социализме, но подчеркнул, что тезисы Спаака целиком укладываются в рамки той эволюции, которую, по его мнению, проделала Б. Р. П. Оппозицию идеям Спаака он считает оппозицией «планизму», ибо для него все разногласия вообще сводятся к расхождению между новыми идеями — планизма и старыми — реформизма. Реформизм — «мягок», пассивен, велеречив и довольствуется «идеалом» для митингового употребления. Практически он не добился ничего, кроме политических реформ и социальной филантропии. Наоборот, планизм — «тверд», реалистичен и действен. Де-Ман отвергает экономический национализм автаркии, воинствующий политический национализм. Но он приемлет название «национального социализма» в смысле социализма, отводящего главное значение «национальному факту», т. е. пытающегося осуществить все, что может быть осуществлено в рамках нации, вместо того, чтобы укрываться под сень платонического интернационализма. Наконец, он стоит за социализм, вдохновляющийся интересами, общими огромному большинству граждан страны, а не только интересами одной лишь социальной категории. Ставить ставку одновременно на сегодняшнее участие в правительстве и на возможную завтрашнюю оппозицию Де-Ман отказывается: планистский социализм является правительственным социализмом.

Такова эта «стройная теория». В ней нет ничего нового и оригинального, и как раз мало «стройности»: она состряпана из фактов и наблюдений, частью верных, но не цементируемых какой-либо общей основной идеей. Ошибочен в ней самый подход, но для нее это не имеет значения, ибо весь смысл ее заключается в выводе: быть принципиально «правительственным» социализмом. Довольно теорий, анализов, идеалов и политики, и да здравствует положительная, конструктивная, государственная работа «для своей колокольни»!

Де-Ман, конечно, неправ, относясь с таким высокомерием к старому реформизму. Он забывает, что духовным отцом его «планистского» реформизма как раз и является этот старый «губошлеп» и «болтун». Да и наследник пока больше «болгает» о радикальных «структурных» реформах, а сам тоже ничего, кроме политических реформ и «социальной филантропии» — с большой к тому же скупостью — не делает. На деле «национальный социализм» берет у старого реформизма и национальную ограниченность, и классовый мир, и общенародную «солидарность», и буржуазный легализм, как берет у него стремление лечить и исправлять капиталистическую систему вместо того, чтобы ломать ее для утверждения социализма. Его задор или, выражаясь модным термином, динамизм питается именно возведением в догму этих пороков реформизма и разрывом с теми принципами и традициями марксизма, пролетарской классовой борьбы и интернационализма, которые до известной степени сдерживали развитие этих пороков: реформистскую «нужду» он превращает в «добродетель».

По существу бельгийские «новаторы» лишь повторяют старые зады французских «нео-социалистов». И если бельгийский «национальный социализм» заслуживает внимания, то потому, что в целом ряде и других стран мы находим элементы такой «эволюции наоборот» и такого национального «самозамыкания», как первую реакцию на победы фашизма. Идеология «национального социализма» есть идеология улитки, заползающей в свой «дом». Но нужно иметь кругозор и воображение улитки, чтобы видеть спасение и разрешение стоящих перед современным миром проблем в политике самозамыкания в «национальную» раковину. Исход революционной борьбы в Испании, быть может, окажет на весь ход политического развития Европы не меньшее влияние, чем в свое время оказала русская революция. Тогда, возможно, и улитки осмелеют и выползут погреться на революционном солнышке. Но надо уже сейчас везде искать возможностей такого развития в будущем. В чем же такие возможности заключаются в Бельгии?

Мы уже отметили, что «национальный социализм» встретил неожиданный для него отпор в рядах партии. Мы приводили слова Де-Брукера, показавшего истинное положение в стране и действительные настроения рабочего класса. Он пока пассивен, но прошлогодние забастовки показали, на какой размах энергии он способен. Условия затяжного кризиса, иллюзии «Рабочего Плана» и коалиции разбили и развели в разные стороны прежние левые течения в партии. Но в теперешней борьбе против «национального социализма» эти распыленные, дезориентированные и обескураженные элементы смогут вновь сплотиться. И они найдут рядом с собою старых вождей бельгийского социализма: Вандервельде, который, через все свои реформистские грехопадения, пронес верность основным принципам и символам веры научного социализма, и Де-Брукера, который с тех пор, как председа-

тельство в Интернационале вновь бросило его в водоворот политической борьбы, ведет неустанную борьбу за мир, за единство рабочего движения, против фашизма и за победу испанской революции и который уже сейчас становится глашатаем партийной левой.

Мировые события, возрождение энергии рабочего класса, новое сплочение левых элементов, — всего этого, быть может, окажется достаточно, чтобы повернуть бельгийский социализм на пути классового, интернационалистского и, в конечном счете, революционного движения...

В. И.

ФОРШТАНД ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ О ВИЗИТЕ ЛЭНСБЕРИ К ГИТЛЕРУ.

Форштанд германской социалдемократии (Прага) прислал нам для опубликования следующее заявление:

Форштанд Социалдем. Партии Германии с тягостным чувством узнал о дипломатическом обращении к Гитлеру, предпринятом, по собственному почину, английским социалистом Георгом Лэнсбери. Этот шаг не свидетельствует ни о желании придти на помощь германской оппозиции в ее тяжелой борьбе, ни о понимании ее взглядов и сущности ее борьбы. Он вызывает отпор и протест. Он несовместим с постановлениями Рабочего Социалистического Интернационала об отношении социалистов к Гитлеровской Германии и глубоко оскорбляет чувства германских социалдемократов, истребляемых Гитлером.

Этот шаг создает впечатление, будто гитлеровский режим склонен к соглашению, — между тем как вооружения и военные приготовления этого режима и стоят на дороге к действительному миру и соглашению народов. Он искажает постановку вопроса об ответственности за нынешнее состояние Европы и отклоняет внимание от силовых и агрессивных моментов гитлеровской политики к чисто хозяйственным вопросам. Он означает пропагандистскую помощь режиму, который сознательно и злонамеренно создал нынешнее положение и с которым германская оппозиция именно поэтому так ожесточенно борется. Он превращается в поддержку германских империалистических домогательств, как их озабочает Шахт, требующий под предлогом равноправия колоний и возможностей политико-экономической экспансии для германского империализма. Он мешает процессу идейного самопознания и самоуяснения в Германии и содействует той путанице, которую стремится создать коричневая пропаганда.

Но сверх того Лэнсбери распространяет в английской печати сообщения о положении дел в Германии, бывшие истинными в лицо. Хотя он пробыл в Германии всего два дня, он уже будто бы знает, что германская молодежь воспитывается в духе мира. Любой объективный наблюдатель может тысячу доводов вскрыть смехотворную лживость такого утверждения. Если бы Лэнсбери был не англичанином, а немцем, Гитлер не принимал бы его, а давным давно подверг пожизненному тюремному заключению. Своими утверждениями он косвенно обвиняет в неправдивости всех свободолюбивых немцев, борющихся против позорного режима, наносит удар в спину борьбе за политическое и культурное освобождение германского народа.

Поэтому Форштанд Социалдемократической партии Германии самым решительным образом протестует против предпринятого Лэнсбери частного шага, враждебного германской освободительной борьбе.

ПО РОССИИ

МОСКВА.

Трудно перестраиваться советским гражданам. Еще недавно нам внушали, что политика не нашего ума дело, что наша задача быть хорошими токарями, бухгалтерами или трактористами, а теперь от нас усиленно требуют активного участия в политике. Особенно тяжело положение **партийцев**. Теперь почти каждый день собрание, то партийное закрытое, то с участием беспартийных, то избирательное собрание в районные советы. В первое время собрания проходили вяло, боялись **последствий** критики, но после того, как «Правда» дала лозунг «критикуй порезче», языки развязались. И теперь нет никакого удержу.

Мне рассказывали подробно о нескольких собраниях. Люди всегда молчавшие, теперь заговорили и со страстью рас-

сказывают о пережитых несправедливостях и обидах. Привилась ли советским людям привычка: «жить сегодняшним днем» или сказывается гипноз Сталина, который «разрешил критиковать», но сейчас со злобою, часто даже без опаски, клеймят последними эпититами вчера еще всесильных исполкомщиков и партийцев. Теперь обвиняют уж не только за плохие бани, неработающие вентиляторы и сырость квартир, но рассказывают о насилиях, взятках, произвольных арестах и вымогательствах.

Открылись шлюзы недовольства. На всех собраниях перед слушателями сменяются, как в говорящем фильме, жуткие рассказы о том, как изворачивался советский гражданин, чтобы прожить, пробыться, обойти, задобрить бездушного чиновника или хищного стяжателя.

Наряду с этими воплями о действительных бедах, на собраниях сводятся личные счеты, сплетаются интриги, мелкие сплетни.

Омерзительно слушать, как вчерашние друзья, рядом сидевшие на крупнейших постах, вместе обдывавшие свои делишки, сегодня доносят друг на друга, выгораживая каждый себя. Героями нашего времени сделались секретари вельмож, гревшиеся годами в их сиянии, теперь докладывающие партийному собранию результаты своих «наблюдений» над закулисной жизнью своих высокопоставленных начальников.

Так делается карьера, так пробиваются вперед советские «американцы».

Говорят, что кое-где на собраниях появились и внесли большое смущение какие-то таинственные люди, что-то усиленно записывающие в свои тетрадки. Пошел слух, что это записывают обиженные вельможи и что потом после выборной кампании они будут сводить счеты с жалобщиками. Но оказалось, что, по распоряжению Ц. К. К. (контрольной комиссии) записываются все жалобы, чтобы привлечь к ответственности преступное начальство.

Не знаю, верят ли рядовые коммунисты и трудящиеся этому объяснению, но поток жалоб и резких обвинений не прекратился. Видно, уж не в терпезе стало!.

...Много у нас говорят в связи с арестом Ягоды. Передают, что Совнаркомом назначена специальная комиссия с чрезвычайными полномочиями, под председательством Ежова для ревизии всех дел Наркома вн. дел, по линии ГПУ и принудительных лагерей. Обнаружены громадные злоупотребления. Арестовано, будто бы, несколько сот человек, работавших некогда под руководством Ягоды. Воровство и стяжательство — это лишь самые малые преступления, совершав-

шиеся соратниками Ягоды. Говорят, что система произвола и истязания заключенных имела такие размеры, что даже члены комиссии, повидавшие многое на своем веку, пришли в ужас. В коммунистической среде делают вид, что лишь теперь узнали о преступлениях творимых Ягодой и его помощниками в лагерях и на принудительных работах.

Похоже на то, что Сталин и в этом вопросе попытается обелить себя перед Европой или историей, сваливши все на Ягodu и его клеветов.

...Пока что все эти политические лихорадки отразились на хозяйстве весьма печально. Промышленные предприятия работают вяло, по инерции, так как стахановцы увяли, а директора боятся ответственности. В деревне — эти настроения еще совпали с неблагоприятными перспективами урожая. Вероятно в связи с этим поднялись на рынках цены на все пищевые продукты. Среди рабочих ропот, пока глухой, но от многих заводов уже ходили делегации в профсоюзы добиваться повышения расценок. Мне передавали, что на выборных собраниях в партийные органы рядовые рабочие многократно подымали вопрос о пассивности профсоюзов и доказывали, что и профсоюзную бюрократию можно оживить лишь тайными выборами и снятием с постов забюрократившихся вельмож.

Сейчас в профсоюзах идет массовая чистка: вдруг будто бы обнаружили в аппаратах союзов троцкисты и меньшевики.

Апрель 1937.

А.

ИЗ ПАРТИИ

АРЕСТ И ГОЛОДОВКА С. О. ЕЖОВА И К. И. ЗАХАРОВОЙ.

Наши старые, испытанные товарищи Сергей Осипович Ежов-Цедербаум и Конкордия Ивановна Захарова-Цедербаум, подобно столь многим другим заслуженным деятелям социалдемократии и русского рабочего движения, в течение уже свыше 15 лет перебрасываются из тюрьмы в ссылку и из ссылки в тюрьму, из одного места поселения в другое.

Недавно они снова были арестованы в западно-сибирском селе Камень, последнем месте их принудительного поселения, и направлены в Новосибирскую тюрьму. Собираются ли их снова длительно держать в тюрьме или переслать в новое место ссылки, а может быть, и в концентрационный лагерь, — это нам пока неизвестно. Но что нам известно, так это то, что они объявили в тюрьме голодовку в знак протеста против нового акта издевательства и что, принимая во внимание возраст и до последней степени расшатанное здоровье наших товарищей, голодовка эта — последнее орудие борьбы пленников сталинской диктатуры за свое человеческое достоинство — превращается в прямую угрозу их жизни.

Мы не знаем, является ли новая расправа с тт. Ежовым и Захаровой лишь одним из звеньев той цепи подготовки к плебисциту, о которой мы говорим в другом месте, или же в ней следует видеть новый акт злобой мести все за ту же «казанскую» телеграмму, которую наши славные товарищи приветствовали в свое время первые шаги социалистически - коммунистического «единства действий» во Франции и которую сталинская диктатура никогда не могла «простить» им, потому что телеграмма эта раскрыла перед пролетарским общественным мнением всего мира истинный политический лик русских социалдемократов, которых так свирепо преследует и так беспощадно истребляет правительство Советского Союза.

Но что несомненно, так это то, что руками нового

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Etoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Etoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

ставленника своего — тоже Ежова! — Сталин продолжает в обстановке возвешенной «самой совершенной демократии в мире» то каиново дело, которое в течение 15 лет творил его старый ставленник, Ягода, ныне об'явленный уголовным бандитом, и что имя этому делу — бессудное и бесшумное, но потому еще более гнусное в своем трусливом лицемерии убийство.

Пролетарское общественное мнение всего мира узнает и оценит это новое преступление сталинской диктатуры и сделает из него свои выводы...

ПАМЯТИ П. Б. АКСЕЛЬРОДА И Ю. О. МАРТОВА.

Апрель для нашей партии — месяц воспоминаний о самых тяжелых утратах ее: 4 апреля исполнилось 14 лет со дня смерти Юлия Осиповича Мартова, 17-го — 9 лет со дня смерти Павла Борисовича Аксельрода.

Аксельрод и Мартов — эти два имени неразрывно связаны со всей историей и со всей работой нашей партии. Не только с ее прошлым, но и с ее настоящим, и с ее будущим. То, что было в них бессмертного — их творческая мысль и их идеи — и сейчас остаются живыми, необходимыми, незаменимыми участниками нашего дела и нашей борьбы.

Девять лет тому назад, под непосредственным впечатлением жгучей утраты, мы писали:

«Пролетарский социализм в самом глубоком его понимании, как верховный критерий социалдемократической политики; организованная самостоятельность рабочего класса, как единственный путь к осуществлению социализма; пролетарский интернационал, как то целое, неразрывную часть которого должно чувствовать себя всякое национальное рабочее движение; — вот те основные «аксельродовские идеи», которые были положены нашим патриархом в основу нашей партии, к которым она возвращалась и всегда будет возвращаться на всех этапах своего исторического пути».

К этой характеристике «аксельродовских идей» можно прибавить разве лишь еще напоминание об «аксельродовском методе» — о методе построения политической линии социалдемократии на основе «классового анализа», таким великим и тонким мастером которого был наш почивший учитель и которому наша партия остается и должна оставаться верна, если хочет твердо наметить свой путь в той небывало сложной и трудной обстановке, в которой ей приходится жить и действовать.

Этим методом в совершенстве овладел самый блестящий ученик Аксельрода — Мартов, которому выпало на долю именно в этой обстановке, в условиях большевистской диктатуры и после военного развала мирового капитализма, дать мысли и работе русской социалдемократии направление, которое, несмотря ни на что, сохранило ее, как живую пролетарски-социалистическую силу, и в российском, и в международном рабочем движении и которое одно только обеспечивает ее будущее возрождение и расцвет.

Мартов был учеником Аксельрода. Но выполнить свое великое историческое дело он мог лишь потому, что не был тем «учеником», [о которых Ницше говорит, что «мало чести приносит своему учителю тот, кто остается вечным учеником», кто лишь повторяет слова и формулы учителя. Нет, великая «честь» и для учителя Аксельрода и для ученика Мартова заключается в том, что, овладев всеми достижениями учителя, Мартов творческим напряжением собственной мысли пошел дальше чего; что он не повторял «аксельродовскую линию» в новых, совершенно изменившихся условиях, а продолжал и развивал ее применительно к этим условиям; что на «аксельродовском» фундаменте он воздвиг свое собственное, «мартовское» здание, отвечавшее новым запросам новой эпохи.

Но бурные волны жизни, и советской, и мировой, катятся вперед с стремительной быстротой и ставят пе-

ред социалдемократией все новые и новые вопросы, которые не стояли и не могли стоять ни перед Аксельродом, ни перед Мартовым. Бесплодно вздыхать о том, что их нет с нами, что их светлый ум и горячее сердце не могут за нас искать и находить безошибочные ответы на эти «проклятые вопросы». Не пассивного вздыхания, а активного использования оставленного ими громадного идейного наследства требует их память. Непрерывно возвращаются и будут возвращаться к этому наследству новые поколения русской социалдемократии — не с тем, чтобы хранить его, как мертвую музейную и архивную ценность, а с тем, чтобы на каждом новом повороте истории превращать его в животворящий источник нового идейно-политического творчества.

Никогда еще это идейное общение с усопшими, но духовно живыми незабвенными учителями нашими не было так необходимо партии, как теперь, когда советская и мировая жизнь приближается к какому-то решающему кризису, исход которого на долгие годы, быть может, десятилетия предрешил судьбы свободы и социализма. И поэтому никогда еще, быть может, траурные апрельские годовщины не были полны для нашей партии такого глубокого и жизненного значения, как теперь. Под знаменем Аксельрода и Мартова идет русская социалдемократия навстречу тем великим и тяжелым задачам, которые ее ждут, под этим знаменем будет она бороться за дело пролетарского освобождения — вплоть до победы!

Ф. Д.

8 апреля, на очередном заседании Парижского Социалдемократического клуба имени Мартова, память П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова была, после краткой речи тов. Абрамовича, почтена вставанием.

Письмо в редакцию

Уважаемые товарищи,

Прошу Вас напечатать в Вашем органе мое объяснение по поводу заявления «Бюллетеня оппозиции б.-л.» о прекращении печатания моих статей о политических преследованиях в России. Это объяснение я тогда-же — в августе 1936 года — отправил редакции «Бюллетеня», но она, вопреки элементарному требованию товарищеской лояльности, его до сих пор не опубликовала, хотя за это время и вышло уже два двойных номера «Бюллетеня», из которых последний — уже при участии главного редактора.

Я надеюсь, что не далеко время, когда и редакция «Бюллетеня» признает элементарный демократический принцип «*Audiat et altera pars*» («предоставления слова и другой стороне»), когда и она поймет, что наступило время прекратить практику советско-бюрократической «демократии», т. е. говорить и писать про инакомыслящих что хочешь, не давая им возможность высказаться самим, за исключением тех случаев, когда они расканваются и сами себя обвиняют...

А. Цилага.

7 апреля 1937 г.

В РЕДАКЦИЮ «БЮЛЛЕТЕНЯ ОППОЗИЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ».

Уважаемые товарищи!

В последнем номере «Бюллетеня» (за июль-август 1936 г., № 51) опубликовано заявление Редакции о прекращении печатания в «Бюллетене» моих статей и заметок о политических преследованиях в России.

Редакция ограничилась по этому поводу несколькими общими громкими словами, не сказав ничего по существу. Больше того: даже в том, что сказано общего — оно частью формулировано неясно, частью — неточно.

Вот почему я прошу в следующем номере «Бюллетеня» опубликовать это мое объяснение:

Редакция бросила мне упрек в том, что я «за сотрудничество с меньшевиками», не сказав ни слова о каком сотрудничестве идет речь, не сказав ни слова и о моем предложении по существу, даже не ознакомивши читателей «Бюллетеня» с этим предложением. Я приведу здесь поэтому мое предложение дословно:

«В борьбе против сталинской реакции и сталинских тюремщиков за элементарные человеческие и гражданские права не могут не объединить своих сил социалисты, анархисты и коммунисты — оппозиционеры, одинаково являющиеся жертвами этих тюремщиков. Сама обстановка толкает их к этому, заставляя изживать кое-какие предрассудки и забывать взаимные обиды. Это, конечно, несколько не исключает одновременной борьбы между этими группами и партиями по разделяющим их политическим и принципиальным вопросам. Рабочая демократия, ценность которой должна стать особенно очевидной после тяжелого опыта бонапартистского вырождения русской революции, допускает и даже предполагает сочетание принципиальной, политической борьбы между различными партиями рабочего движения с их общим сотрудничеством в борьбе против реакции...

...В последние два года, в период «единого фронта», сталинские тюремщики вынуждены были кое в чем изменить приемы, прибегнуть к маневрам. Дело свелось именно к маневрам, т. е. к **видимости** облегчений (для социалистов), а не к действительному облегчению... (следует перечень и доказательства видимости этих облегчений для социалистов, а затем я продолжал:) ...С оппозиционерами — коммунистами, по правде сказать, и этой возни не требуется: им прямо и поголовно автоматически прибавляют сроки. Чтобы вознаградить себя за небольшие «поблажки» социалистам, ГПУ пошло даже на серьезное ухудшение положения коммунистов-оппозиционеров — их поголовно направили в 1935 г. в концлагеря. «Разделяй и властвуй» — любимый метод ГПУ: вчера (т. е. до 1933 года) были поблажки коммунистам, круче заворачивали социалистов, сегодня «поблажки» социалистам, прижимают коммунистов... Но эти маневры ГПУ никого в ссылке и в тюрьмах не обманывают. Социалисты, анархисты и коммунисты, которые в 1929/30 гг. были еще значительно разобщены между собою, успели за эти годы в значительной степени сойтись меж собой в общей борьбе за свои человеческие и гражданские права. Этот единый фронт угнетенных и преследуемых групп рабочего движения против сталинских тюремщиков закрепляется и расширяется все больше в Советской России. Его нужно создать и закрепить и за-границей!»

В то время как «Бюллетень» ни словом не обмолвился о моем анализе дела политического преследования в России и о моем конкретном предложении по борьбе со сталинским террором, меньшевики были более конкретны. Они писали («С. В.», № 10 за 1936 г.): «Тов. Цилига — коммунист. Его общие оценки поэтому, естественно, во многом не совпадают с нашими... Тем знаменательнее тот призыв к «единому фронту» в борьбе за гражданские и человеческие права всех преследуемых в Советском Союзе пролетарских партий и групп, которым он заканчивает свою статью».

Редакция «Бюллетеня» может, конечно, мою оценку состояния преследований и мое предложение (которое, кстати сказать, **разделяется рядом товарищей в России и в духе которого действовать я уполномочен определенной группой товарищей**) рассматривать как ошибочные и отвергнуть, но тогда нужно привести и конкретные аргументы. Вопрос, имеющий такое жизненное значение для судьбы политически преследуемых в России, нельзя обходить молчанием или общей оговоркой, что «ультра-левые подходят к оппортунизму... с другого конца». Тем более, что в Европе и Америке большевики-ленинцы считают для себя возможным даже вхождение в социалистические партии...

После опубликования проекта сталинской конституции мне кажется для единого фронта русских коммунистов-оппозиционеров, социалистов и анархистов возникла еще одна проблема. Им надо бы, так мне кажется, обдумать и продискутировать вопрос: не следовало ли бы в связи с этим проектом Конституции обратиться с одним общим Манифестом к международному и русскому пролетариату, где бы 1) констатировать, что согласно этой конституции пролетариат и трудящиеся массы России лишены фактически свободы печати, собраний, организаций, ибо эти права признаются только за бюрократией и руководимыми ею организациями; 2) требовать для русского пролетариата и трудящихся масс свободы печати, собраний, организаций; 3) призвать русский и международный пролетариат и трудящиеся массы бороться за эти права.

Прекращение печатания моих статей редакция мотивирует тем, что «Бюллетень не может иметь общих политических сотрудников с изданиями меньшевиков». Тут имеется одна неточность: Я никогда не состоял политическим сотрудником

ни «Бюллетеня б.-л.», ни меньшевистского «Социалистического Вестника». В том и другом органе я печатал и считаю полезным печатать информационные материалы, касающиеся политических преследований в России, помощи жертвам бюрократического террора. Но ни одной чисто политической статьи я ни в «Бюллетене», ни в «Соц. Вест.» не печатал и не предлагал. При той разнице политических позиций, которые существуют между меньшевиками и мною, я не считал целесообразным печатание моих чисто политических статей в «С. В.». По этой же причине я не печатал подобных статей в «Бюллетене», хотя он политически мне ближе, чем «Соц. Вест.». Именно, чтобы подчеркнуть, что печатание моих информационных статей в «Бюллетене» не является признаком моей политической солидарности с этим органом, я писал редакции с самого начала, что я сочувствую так наз. ультра-левым коммунистам, что я не б.-л., а «внегрупповой», и просил отметить это при опубликовании моей первой статьи (что и было редакцией сделано).

Я считал бы полезным, если бы редакция не ограничилась своим ответом, а поставила вопросы, мною поднятые, предварительно на обсуждение в «Бюллетене». На возможное замечание, что лучше было бы, если это сделано было на более ранней стадии «дела», я могу ответить: Редакции «Бюллетеня» хорошо известно, что это не моя вина.

Посылая это письмо с просьбой об опубликовании, я делаю это не в целях полемики. Я хочу и этим письмом помочь, в товарищеском сотрудничестве с б.-л., созданию единого фронта коммунистов — оппозиционеров, социалистов и анархистов против сталинского бюрократического террора.

С товарищеским приветом
А. Цилига.

Париж, август 1936 года.

P. S. — Это письмо было уже готово, когда пришло известие из Москвы о готовящемся процессе «террористов троцкистов-зиновьевцев». Готовится, значит, новый монстр-процесс, своего рода новое издание процесса меньшевистского Союзного Бюро, только с другого конца. По своим участникам и обвинениям, процесс еще более чудовишный. Теперь слово за западно-европейским и американским рабочим и демократическим движением — защитить невинно обвиняемых, разоблачить бесстыдную механику сталинской «юстиции». В этой связи, мне кажется, мое вышеизложенное предложение приобретает еще более актуальный характер.

А. Ц.

16-го августа 1936 г.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

- Знамя России, № 3 (91), № 4 (92).
Бюллетень оппозиции, № 54-55, Март 1937 г.
Новая Россия, № 24.
Русский Временник. Орган революционной монархической мысли. № 1. Париж, 1937 г.
Дело Труда. № 96, Март-Апрель 1937 г. Чикаго.
Бюллетень экон. каб. проф. С. Н. Прокоповича, № 134, март 1937 г.
Delnicka Osveta, Nr. 3.
Idée et Action, N° 8, mars 1937.
Prométhée, N° 122, 123, 124.
Upton Sinclair. No pasaran! (They's hall not pass). Pasadena. California.
V. D. La fusion du parti socialiste et du parti communiste, est-elle possible et souhaitable? Edit. Pierre Tisné. Paris. 1 fr. 50.
Der Kampf. Nr. 4, April 1937.
Que faire? N° 82, Avril 1937.
La Révolution prolétarienne, N° 243.
Marxistische Tribüne. Nr. 7, März 1937.
American Socialist Monthly, vol. 5, Nr. 9. February 1937.
International Review, April 1937, vol. 2, N° 3. New-York.
Was kommt nach Hitler. Probleme der deutschen Revolution. Fr. 2.50.
Information de Palestine, N° 28. Genève.
Frente libertario. Organo de las Milicias Confederales. Madrid. Nr. 6.
I. P. I. Informations Pédagogiques Internationales. London Paris-Praha. 1937. Nr. 4.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 18/3, 26/3, 19/4.

Отослано: № № 8, 9, 10.